

2004г.

ТОМСК — ГОРОД НА РЕКЕ

Я.А. ЯКОВЛЕВ

1604г.

М. Ш. ЕЛНОВ

000 "Научно-производственное объединение "Евразия"

Я.А. Яковлев

Томск - город на реке

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2004

Эта книга - для бедных. Не надо стыдиться этого слова, наши предки оптимистично завещали нам: "Бедность - не порок". Если сегодняшние правители, начиная с Президента, публично признают, что более четверти населения страны стоит у порога нищеты и имеет доходы ниже прожиточного минимума, если первой государственной задачей объявлена борьба с бедностью, и Томская область приступила к разработке такой программы, есть ли наша вина в столь низкой оценке нашего труда?

Томск подошёл к знаменательному юбилею - 400-летию со дня основания. Не каждому поколению выпадает судьба присутствовать на вековых именинах своего города. Представьте только: следующее событие такого уровня произойдёт только в 2104 году!.. Поэтому естественно желание томичей приобщиться к празднику, получить подарок, оставить память об этом событии. А книга, как утверждают, - лучший подарок. Последние месяцы преподнесли нам немало печатных изданий, приуроченных к юбилейным торжествам. И это прекрасно. Сначала погаснут фейерверки, потом закончится праздник, когда-нибудь уйдут в небытие его участники, а книги останутся...

Настораживает одно: не будут ли бедные лишними на этом празднике, смогут ли они обзавестись сувениром для себя и своих потомков? К торжествам вышло уже несколько роскошных подарочных изданий, посвящённых Томску и томичам. По полноте содержания, дизайну и полиграфическому исполнению ничего подобного раньше не было, и уже за одно это можно быть благодарным юбилею. Но за роскошь, как известно, надо платить. И вот здесь наступает момент истины - выложить за альбом свою месячную зарплату или трёхмесячную стипендию могут далеко не все. Это несправедливо. Это обидно.

В традициях российского книгоиздательства - выпускать книги для бедных. Минимум затрат на материалы, скромность оформления, от-

каз от прибыли - и "народные книжки" дореволюционных столичных издателей А.Ф. Маркса и И.Д. Сытина, томичей П.И. Макушина и М.А. Малых расходились среди народа по цене пачки махорки. Вряд ли ситуация изменилась после перехода к эпохе всеобщей грамотности. Если мы не хотим потерять вдумчивого читателя, если мы намерены наполнить знанием и духовностью подрастающее поколение, если мы не утратили чувства благодарности к старикам, недорогие книги нужны и сегодня. Именно так называемый бюджетник, школьник и пенсионер пока ещё тянутся к книге. И они же сегодня - бедные.

Только поэтому очерк об истории Томска и томичах появился на свет в таком "неподарочном" виде - в мягкой обложке, почти без иллюстраций... Он уже был опубликован в красочном альбоме "Томск. Прогулки по знакомым местам", выпущенном год назад издательством "Гала Пресс". Однако отзывы показали, что определённая часть томичей хотела бы видеть этот текст в виде отдельного издания по доступной цене. Идя навстречу этим пожеланиям, **ООО "Научно-производственное объединение "Евразия"** и осуществило свой благотворительный проект. Если роскошные фолианты достанутся высокопоставленным гостям и обеспеченным землякам, пусть у бедных томичей на память о празднике останется хотя бы эта книжка.

Томск был, есть и будет. Мы искренне поздравляем его жителей с юбилеем города и желаем им в суете буден не утратить славного наследия предшественников - не опустить установленную ими планку духовности.

Известно, что вода - праматерь жизни на Земле. Наверное, человеческая память где-то на генетическом уровне хранит эту связь; почти мистически ощущая родство с водой, мы тянемся к ней... И прародительница не забывает своих далёких потомков, оберегает нас, кормит и ласкает.

Может быть, этим родством и следует объяснить тот факт, что слова, связанные с водой, рождают так много метафор. Мы используем их не только в прямом значении, но находим ещё массу других случаев, чтобы вспомнить и произнести: *река памяти, река времени, река жизни, половодье чувств, поток страстей, море счастья...* даже *по волне моей памяти и денежные потоки*.

Город Томск рождён рекой. По рекам приплыли его родители - русские служилые люди, речной берег стал его телом, речное русло - пуповиной, речное название - именем.

И будет, наверное, вполне оправданным в 400-летний юбилей Томска отправиться в путешествие по реке. По реке Времени, по реке Памяти. От истока к невидимому пока устью...

Человек всегда старался поселиться около водоёма. Только здесь он мог получить "всё и сразу". Прежде всего - пищу: рыболовы - обитателей вод, земледельцы - плоды трудов своих на орошаемых участках, скотоводы - тучные стада на пойменных лугах. Коммуникации, социальные связи, являющиеся, по мнению некоторых философов, главным отличием человека от остального мира, на протяжении огромного отрезка исторического времени тоже были невозможны без рек - великолепных дорог, как будто специально природой созданных для людей. А если по этим дорогам приходили не с добром, а с огнём и мечом, то не было лучшего места для обороны, чем речной крутояр в кайме грозных укреплений.

Томск. Берег р. Томи. Открытка нач. XX в.

Правый берег Томи, где ныне стоит Томск, привлёк внимание людей сразу же, как только они появились в этих местах. Преимущества этого места очевидны и неоспоримы. До Оби - самой полноводной реки Евразийского континента и главной дороги между севером и югом - рукой подать. И в то же время не настолько близко, чтобы появившиеся на ней чужаки могли узреть человеческое поселение. Речки Ушайка да Киргизка, вливавшиеся здесь в Томь, способствовали рыбообилию места, ибо речные устья - любимый участок для обитателей вод. Здесь мелкая рыбёшка скатывается из притоков в большую реку, здесь же её караулит рыба покрупнее, которая, в свою очередь, сама служит добычей и для бегающих по суше, и для летающих по воздуху хищников. И все они притягивают человека.

Правда, самых первых "томичей" привело сюда не желание отведать местного хариуса или осетра. В самом прямом смысле слова их привели

мамонты. В каменном веке люди годами двигались за стадами этих гигантов, способных кардинально решать проблему питания и одежды первых сибирских аборигенов. Одной из таких групп и улыбнулась охотничья удача на высоком берегу Томи, где сейчас расположен Лагерный сад. И пока хватало мяса лохматого великана, люди жили на берегу Томи. Они разделявали тушу изготавливаемыми тут же каменными орудиями, грелись у костров и, наверное, так же глядели на бегущую мимо реку, как это делают и сегодня гуляющие в парке. Случилось это около 18 000 лет назад. Что любопытно: в Томской области не обнаружено пока более древнего археологического памятника. Первопоселенцы как будто сразу и навсегда отмаркировали наиболее удобное место для проживания: “Здесь будет город заложен”.

Они были первыми. Но не последними. Практически на этом же береговом участке люди обитали и в период энеолита (XX-XVII вв. до н. э.; могильники Мусульманское Кладбище, Большой Мыс I), и в эпоху бронзы (XVI-XII вв. до н. э.; могильник Малый Мыс). В позднем бронзовом веке (X-VIII вв. до н. э.) древние томичи, к той поре уже хорошо освоившие скотоводство, расширили свою “селитебную площадь”. Остатки их жилищ и могил обнаружены не только на давным-давно обжитом отрезке берега Томи в районе современного Лагерного сада, но и в устье Большой Киргизки, а также на возвышенностях в глубине берега - на Каштаке и на... Воскресенской горе - той самой, на которой через две с половиной тысячи лет встанет русский острог. В раннем железном веке (VII-III вв. до н. э.), когда далёкие от здешних мест греки, персы и скифы пытались оспорить друг у друга право на величие и место в истории, люди продолжали жить на любимшемся им томском берегу. И в наступившем после падения Рима Средневековье (VII-VIII вв.), когда франк Карл Великий создавал первую европейскую империю, тюрк Аспарух - первое славянское государство, а Византия жгла своих врагов секретным “супероружием”, названным ошалевшими современниками “греческим огнём”, костры древних томичей всё так же отражались ночами в тёмной глади воды.

Позднее Средневековье (X-XV вв.) - это “война всех против всех”, в бесконечном протяжении которой формировались нации, создавались

государства и утверждались династии. В этот период по лекалам истории было скроено, а кривыми стежками человеческих страстей сшито большое и пёстрое лоскутное одеяло под названием “сибирские татары”. Был там и лоскуток “эуштинцы” - группа, говорившая на тюркском языке и проживавшая в низовьях Томи.

Новые хозяева, конечно же, не миновали удобного места, которое люди обживали на протяжении уже нескольких тысячелетий. Сегодня археологи обнаружили следы пребывания томских татар в нескольких местах Томска. В частности, два их некрополя располагались на противоположных коренных берегах Ушайки, известных сегодня как Юрточная гора и Воскресенская гора.

Само название “Юрточная” определённо указывает на наличие здесь аборигенного поселения, ибо словом “юрты” русские новопришельцы, в отличие от своих поселений, называли населённые пункты местных жителей - хоть татарских, хоть селькупских, хоть хантыйских... Человеческое жильё на возвышенном и удобном месте слева от устья Ушайки возникло, скорее всего, ещё до возведения русского острога, а потом соседствовало с ним. Легенды связывают его обитателей то с подданными Тояна, откочевавшими с противоположного берега Томи, то с людьми князца Ушая, наоборот, враждовавшего с заречным Тояном.

Во второй половине XVI в. у подножия горы, между Ушайкой и Истоком (ныне засыпанный рукав Томи, память о котором сохранилась лишь в названиях ул. Источной и пер. Источного), по некоторым данным, обустроились “бухарцы” - торговцы из Средней Азии. Достаточно долго - и до, и после появления в этих местах русских - они приводили сюда свои караваны для выгодного торга с обитателями берегов Томи.

А на вершине Юрточной горы неподалеку от татарских жилищ располагалось кладбище, память о котором потом долго сохранялась среди томских старожилков. Даже через два с лишним века они рассказывали, что на горе татары “бугрились” - таким местным выражением первые русские томичи называли курганные погребения. Причём, согласно легенде, как раз под зданием нынешнего почтамта находится могила татарского богатыря и богача по имени Гурбан. Похоронен он был - какая же легенда без этого?! - якобы вместе со всеми своими сокровищами.

С этим преданием связано появление у томичей интересного выражения, утраченного к нашим дням, - "топтать Гурбан". В первой половине XIX в. горожане "всех сословий и состояний" на каждый праздник собирались в определённом месте: в Троицу - на Воскресенской горе (поскольку первый собор здесь был основан во имя Святой Троицы), в Духов день - на Песках... А вот в Заговенье перед Петровым днём томичи шли петь песни и водить хороводы (это и называлось "топтать Гурбан") на Юрточную гору.

Весной 1898 г. наличие татарского кладбища времени сооружения и первых десятилетий Томска получило прямое подтверждение. Тогда на ул. Почтамтской при строительстве здания Общественного собрания, более известного нынешним томичам как Дом офицеров, было обнаружено более 80 скелетов XVII в....

Впрочем, стоп! В нашем путешествии по реке Памяти мы свернули в протоку с более быстрым течением. Выгребаем в основное русло...

К концу XVI столетия зуштинцы оказались в весьма трудном положении. Но сначала немного предыстории. После исчезновения в сер. XIII в. степной империи Чингис-хана территория Юго-Западной Сибири, куда входило и Притомье, сначала отошла к Золотой Орде, затем оказалась поделённой между Белой Ордой и владениями хана Шейбана (брата Батыя), а потом постепенно перешла под протекторат западномонгольских ханов. Сибирские татары, ставшие самым северным аванпостом степных кочевых держав, из десятилетия в десятилетие вынуждены были платить дань своим монгольским хозяевам. Даже создание собственной государственности в форме Тюменского ханства не изменило ситуации. Робкая надежда на самостоятельный путь развития появилась у сибирских татар после уничтожения узбеками в конце XIV в. последних осколков монгольской державы. Но и она быстро растаяла. Та часть ордынской верхушки, которую миновали стрелы и волосяные арканы воинов Тамерлана, направила коней в улусы сибирских татар - своих бывших данников, вырезала там "лучших людей" и в 1563 г. посадила в Кашлык - столицу Сибирского ханства - Кучума.

Разгром хана Ермаковой дружиной окончательно разбалансировал расклад сил в регионе. С запада энергично двигались перешагнувшие

через Каменный Пояс русские. Они кнутом и пряником сводили на нет честолюбивые центробежные устремления многочисленных местных князцов, насаждая державность и единоначалие. А вот на остальной территории расселения сибирских татар окончательно воцарилась феодальная анархия с её простым принципом “Возьми у слабого”. Эуштинцы не были сильными. Поэтому должны были отдавать. Пищу, скот, женщин, жизни... Желających всё это отнять было немало. Чаты, телеуты, кыргызы, калмыки и другие южане к весне начинали усиленно кормить своих лошадей, чтобы по первому насту, приторочив к седлу пустые сумы, отправиться за добычей на Томь.

Однако благоприятный ветер истории к той поре уже сменил направление и дул в спины гребцов с северо-запада, но в лицо всадников с юго-востока. Теперь единственным серьёзным препятствием для России мог быть лишь далёкий Китай. Кыргызы Верхнего Енисея, западномонгольское государство Алтын-ханов и Джунгария имели силы лишь затормозить, но не остановить многотысячекилометровый блицкриг русских к Тихому океану. А уж остальным история оставила и вовсе небольшой выбор: покориться, уйти или погибнуть. Конечно, не всё было столь очевидно, как это видится теперь из наших дней. Но самые прозорливые догадывались об этом и тогда.

Наверняка думали о судьбе своей земли, своих сородичей и своих собственных эуштинские князцы: Евага, Басандай, Ашкиней... В том числе и Тоян-бикмурза. На рубеже XVI и XVII вв. его объединение было самым многочисленным и сильным, а владения по обеим сторонам Томи - наиболее обширными: на севере они упирались в устье Большой Киргизки, на востоке - в истоки Малой Киргизки, на юге - в Басандайку и на западе - почти в Обь.

Зимней резиденцией Тояна было укреплённое рвом и валом поселение на левом берегу Томи напротив устья Ушайки. За этим местом доныне сохранилось название *Городок*. Правда, поначалу оно звалось *Тоянов городок*, а после появления там в конце XIX в. загородных домов - *Дачный городок*; новая форма топонима отразила кардинальное изменение его содержания. Та же метаморфоза произошла и с названием озера около зимнего жилья последнего эуштинского князца: из *Тоянова* оно

стало *Ностояновым*. Городок Тояна и расположенные рядом курганы с погребениями его подданных по большей части были уничтожены дореволюционными постройками - церковью и дачами, а также возникшим уже при советской власти костно-туберкулёзным санаторием.

На лето Тоян со своим окружением переезжал на жительство выше по Томи в район нынешней д. Эушта.

Её Величеству Истории было угодно, чтобы именно Тоян определил место, а, значит, в какой-то мере и судьбу Томска.

В критических случаях судьба всегда ставит вопросы, на которые можно дать только два ответа: "Да" или "Нет". Древние римляне даже придумали для такой ситуации пословицу: "Третьего не дано". Такая дилемма встала в своё время и перед Тояном. Она не формулировалась проблемой свободы или несвободы. Требовалось сделать совершенно иной выбор: кому выгоднее покориться? как подороже продать независимость? плыть далее по реке истории в одной ладье со степняками или с далёкой западной Русью?

И Тоян шагнул в сторону Русского государства. Не надо думать, что решение было лёгким. Отныне зуштинец должен был стать плечом к плечу с россиянином и в военных походах против вчерашних своих соседей, и в строительстве новых острогов, и в дальних посольствах к южным и восточным властителям... Но с позиций, как сейчас выражаются, регионального лидера Тоян сделал безупречный тактический шаг. Эуштинцы, в отличие от всех остальных сибирских татар, с самого начала и навсегда были избавлены от ясака и приписаны к "служилым людям" - попасть в это сословие было не так-то просто и многим русским крестьянам. Не случайно ведь к "привилегированным" эуштинцам в бассейн Томи во второй половине XVII в. подкочевали чаты и калмаки. Смешение этих трёх групп и сформировало нынешних томских татар.

Впрочем, это произошло уже после появления "града Томскова" ... Нас опять вынесло на стрежь реки Времени. Пора остановиться и отдохнуть. "Суши вёсла!"

Русские всегда, начиная с давних времён своего праславянского младенчества, обретались на реках. Среди десятков версий появления самого этнонима *русь/рось* наиболее убедительной кажется та, что была

высказана сибирским писателем В.А. Чивилихиным в его нашумевшем романе-эссе "Память". Он достаточно убедительно выводит слова с указанной основой, а среди них и дорогие для нас *русский, Русь, Россия*, из праславянского *руса*, что значит просто "река". В современных славянских языках в своей изначальной форме это существительное не сохранилось, но проглядывает корневой основой во многих словах, связанных по смыслу с водной стихией, - *русло, русалка, роса, парус*.

Русы - "живущие на реках", "жители рек", "речной народ". Так было в седой древности Рюрика и Гостомысла. Так же было и во времена не столь отдалённые, когда обитатели Волги и Дона отправились осваивать берега Иртыша и Оби. Реки как будто помогали своим тёзкам - русским во время того великого похода "встречь солнцу". Они несли струги Ермаковых казаков. Они обеспечили их военный успех: современные историки видят причины побед немногочисленных русских бойцов именно в умелом использовании пешими казаками "ладейного боя" с речных фарватеров и невозможности Кучумову воинству развернуть свою обширную конницу. Реки же стали и пристанищем для поселений новопришельцев. Все без исключения первые русские городки - Обской, Тюменский, Тобольский, Лозьвинский, Пелымский, Сургутский, Нарымский, Кетский, Тарский - были срублены на речных берегах. Даже своими названиями они взяли имена рек-матерей.

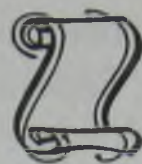
Не стал исключением и Томск.

В 1603 г., как только установился зимний путь, Тоян отправился в далёкую Москву искать покровительства русского царя Бориса Годунова. Был принят и, наверное, обласкан - чай, не каждый день приносят челобитные о добровольном присоединении к России. Новые земли, новые подданные, новые налоги, новый плацдарм для расширения державных границ на юг и восток сибирской земли... Кто ж от таких выгод откажется? И 20 января 1604 г. всеильный и мудрейший царь Борис пишет грамоту сургутскому воеводе, где ставит своего сановного чиновника в известность о желании мурзы с далёкой Томи присоединить свои земли и своих людей к Русскому государству, требует принять с новоявленного подданного присягу и приказывает поставить во вновь приобретённых землях русский город.

Было бы ошибкой представлять Россию тех времён сонной и неповоротливой, как это любят делать иные литераторы. Чиновный люд, страшась за свою голову и стремясь к царской милости, дела государственной важности тогда не волокитил. По крайней мере, трудно представить, чтобы в наш век - по многим определениям "космический" и "стремительный" - от идеи строительства нового города на далёкой окраине державы до её реального воплощения потребовалось время, равное появлению человека на свет, - всего-то 9 месяцев. А тогда это было возможно.

25 марта последовал новый указ Бориса Годунова: воеводам Гавриле Ивановичу Писемскому (казачий голова из Сургута) и Василию Фомичу Тыркову (стрелецкий голова из Тобольска) скомплектовать в Сургуте экспедиционный отряд и выступить на Томь. Где-то в середине июля суда уже разгружались в устье Ушайки. Наверное, люди Тояна, тоже пришедшие на строительство города своих союзников, с огромным удивлением и даже страхом глядели на невиданное доселе на их землях немало скопище людей - разных ликом, платьем и языком. В лагере у подно-

Бил нам челом томской земли князёк Тоян, чтоб нашему царскому величеству его, Тояна, пожаловать, велеть ему быть под нашею высокою рукою и велеть бы в вотчине его в Томи поставить город. А место де в Томи угоже, и пашенных людей устроить можно, а ясашных де у него людей триста человек. И как де город поставят, и те де все ясачные люди придут к нашему царскому величеству и ясак начнут платить... И как сия наша грамота придёт, а томский князёк Тоян в Сургут приедет, и вы б его привели к шерти на том, что ему со всеми его улусными людьми быть под нашею царскою высокою рукою неотступным. А приведши к шерти и напоя, и накормя, отпустили б его к себе в Томскую волость, а с ним послали наших служивых людей... А сказали б ему, Тояну, что наше царское величество его пожаловали, в Томской волости город поставить повелели, а ясаку с него и с его ясачных людей до нашего указу брать не велели.

(Из истории земли томской. 1604 - 1917 гг.: Сборник документов и материалов. Томск, 1978. Вып. 1. С. 21-22)

зия высокого лесистого берега, который позже назовут Воскресенской горой, обосновались русские служилые люди из Сургута, Тюмени, Тобольска и Пелыма, берёзовские и сургутские ханты, тобольские татары... Можно было бы назвать это вавилонским столпотворением, если бы не совершенно зеркальная ситуация с известным библейским сюжетом. Ведь, как известно, Вавилон начал сооружать один народ, говоривший на едином языке, но в итоге и город не был возведён, и строители превратились в разноязыкие толпы. Для строительства же Томска прибыли различные племена, которые тем не менее и город поставили, и единый народ образовали. Он ныне зовётся сибиряками.

Да, уже 27 сентября (по новому стилю - 7 октября) 1604 г. "город зделали со всеми крепостьми". Разногласий по поводу названия не было, поскольку уже сложилась традиция городского имянаречения по реке. Русские стали именовать его "Томской город" (с ударением на вторую гласную), татары - "Томтура".

От этой даты город и начал вести своё официальное летосчисление. Но в летописях имеются и другие даты основания Томска - 1593, 1594, 1601-й. Как же так? Всё очень просто. Официальная колонизация новых земель в Сибири нередко отставала от народной, пришедшие ставить новый город казаки нередко с удивлением обнаруживали на этом месте заимки и распашки своих более расторопных соотечественников. Историки полагают, что подобное могло иметь место и при сооружении Томска.

Первоначальное местонахождение города сегодня досконально неизвестно, местные исследователи ломают по этому поводу копья в ожесточённых дискуссиях. Возможно, что мемориальная глыба железистого кварцита на Воскресенской горе, якобы маркирующая место основания Томска, всего лишь туристическая приманка, а не точно поставленный бакен в реке Времени.

Не намного больше ясности и с планиграфией первоначального Томска. К зиме строители успели возвести лишь небольшую крепость в форме неправильного черырёхугольника. Длина её оборонительных стен из вплотную составленных срубов (в русской фортификации их называют *городни*) составляла всего 202 м. А вот точное число башен остаётся

неизвестным: историки называют и 3, и 4, и 5. Внутри укреплений, помимо жилищ первых томичей, появились и административные здания: “воеводские хоромы” (резиденция первого лица), “съезжая изба” (воеводская канцелярия), “зелёный погреб” (пороховой склад)...

Последующие несколько лет, помимо военных забот, были наполнены и активным строительством. С севера вдоль берегового мыса к “городу” пристроили “острог” площадью более 4 га, тоже закрытый деревянными укреплениями с 5 башнями. Росло число построек: амбары для зерна и соли, склады для пушнины, “аманатская изба” (тюрьма для содержания заложников из родовой верхушки местных жителей), жилища... Начали действовать таможня и весовая, поскольку контроль за “калмацким торгом” перешёл от Тояна к воеводе.

Рост населения и теснота внутри крепостных стен вынуждали параллельно с “верхним” посадом обустроить и “нижний”, или “подгородный”, который вырос на месте лагеря томских первостроителей между Воскресенской горой и берегом Томи. Здесь срубили мельницу и соорудили плотину с подъёмным мостом через Ушайку. А в 1630 г. воевода Пронский закрыл это место по обоим берегам Ушайки деревянными укреплениями с четырьмя воротами и четырьмя глухими башнями, превратив “подгородный посад” в “подгородный острог”.

Однако время шло: деревянные постройки ветшали, гора осыпалась... Надо было ставить новый кремль. Помолясь, за дело взялись в 1647 г., и уже через год плотничья артель под руководством казака П. Терентьева (томичи прозвали его “Петруша-горододел”) на южном мысу Воскресенской горы срубила новые здания и новые фортификационные укрепления. Теперь томичей от кыргызских и телеутских стрел прикрывала 6-7-метровая стена - сплошная цепь срубов-*тарасов*, каждый из которых был жёстко соединён с двумя соседними. Для наблюдения за противником и оборонительной стрельбы были поставлены 7 башен высотой до 17-21 м, две из которых - Спасская с юга и Воскресенская с севера - были воротными, а остальные - глухими. На западной башне даже имелись часы, отбивавшие время. А после того как в 1678 г. склон мыса был укреплен деревянным срубом, о чём до сих пор напоминает название улицы *Обруб*, архитектурный комплекс и вовсе превратился в самый на-

В крепости и остроге стояло 20 медных пушек... и 7 железных пушек..., а при них 3482 железных ядра. На вооружении защитников города было 291 граната, 20 гладких пищалей, 76 мушкетов, 101 пистолет, 10 карабинов..."

(Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 1999. С. 34)

стоящий кремль. Он более века исправно защищал томичей, красноречиво демонстрировал мощь Русского государства и активно исполнял роль градообразующего центра.

Впрочем, и державообразующего - тоже. Целый век Томск "ласкою и жесточью" отодвигал пунктир государственной границы на юг и восток, проявляя при этом инициативу и смелость. Известны даже случаи, когда местные воеводы брали на себя решение международных вопросов без консультаций с Москвой. На берег Томи не раз ступала нога послов крупных и мелких азиатских владык, желавших установить или поддержать дипломатические отношения с новым хозяином Сибири - Русским государством.

Из Томска же отправлялись и ответные посольства. Главным объектом дипломатических усилий России на востоке стал в это время Китай. Он настороженно относился к восточной экспансии Русского государства и одновременно воевал с Джунгарией - главным противником россиян в Сибири, поэтому очень важно было найти основу для продуктивного диалога с императором Поднебесной.

Томичам поручили найти самый короткий и безопасный путь в Китай. В 1608 г. это пытался сделать атаман И. Белоголов, в 1616 г. - В. Тюменец, но только отряду И. Петлина в 1618 г. удалось выполнить распоряжение Москвы и побывать в столице могущественного восточного соседа.

А в 1637-1638 гг. томское посольство В. Старкова в ставке монгольского Алтын-хана попробовало чай. Диковинку привезли и российскому самодержцу. Получается, что томичи отведали самый популярный сегодня напиток не только первыми из россиян, но и опередили в этом самого царя. Этот приоритет стал знаковым, и два с половиной века потом Томск служил основными воротами для проникновения чая к русским самоварам.

Не зря говорят, что война - это продолжение дипломатии иными средствами. Из ворот Томского кремля "встречь солнцу" уходили не только дипломатические караваны, но и воинские отряды. Одни - собирать ясак с уже принявших русское подданство народов, другие - воевать с ещё не покорёнными, третьи - разведывать новые земли.

Если Москва получила в своё время титул "мать городов русских", то Томск, с поправкой на род топонима, вполне можно назвать "отцом городов и весей сибирских".

Во-первых, он стал источником крестьянских поселений в округе - южных районах нынешней Томской области. В поисках удобных для хлебопашества и сенокосения участков служилые люди и крестьяне мало-помалу отселялись всё дальше и дальше от городских стен. Поначалу они заводили заимки и хутора, которые с течением времени превращались в деревни и сёла. Нынешние населённые пункты Аркашево, Астраханцево, Батурино, Вершинино, Дорохово, Кожевниково, Корнилово, Лучаново, Молчаново, Нелюбино, Попадейкино, Сеченово, Трубачево и десятки других через века донесли до нас имена, прозвища и фамилии первых томичей.

Во-вторых, томские служилые люди поставили немалое число сибирских острогов и форпостов, полтора века служивших щитом новым российским владениям: на Томи - Кузнецкий (1618 г.), Сосновский (1657 г.), Верхотомский (1665 г.) и Мунгатский (1715 г.); на Чулыме - Мелесский (1621 г.) и Ачинский (1682 г.); на Оби - Уртамский (1684 г.);

в Барабинской лесостепи - Чаусский (1713 г.), Усть-Тартасский, Каинский и Убинский (1722 г.)...

В-третьих, томичи не ограничивали себя какими-то локальными пространственными рамками, а предпринимали и весьма далёкие походы. Настолько далёкие, что дальше - некуда, дальше - край Евразии... В 1637 - 1638 гг. томский казачий отряд Д.Е. Копылова через Якутский острог и систему рек добрался до р. Алдана, поставив там Бутальское зимовье. Отсюда в 1639 г. атаман отправил далее на восток группу под началом И.Ю. Москвитина. С огромными трудностями, но первыми из русских томичи сумели выйти к Охотскому морю, т. е. достичь побережья Тихого океана. Лишь через 2 года они вернулись в Якутск и присоединились к основному отряду для возвращения в Томск.

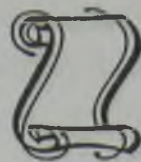
Что же двигало томичей в такие дали, заставляло стоически переносить морозы и голод, рисковать здоровьем и жизнью? Разными были причины, но, как справедливо заметил в своё время К.Н. Евтропов, "все-го более воодушевляла казаков к походам и бранным подвигам жажда быстрой и лёгкой наживы, корысть к готовым ценным соболям и куницам".

"Землепроходчество" Сибири, как и "конкиста" Америки, - это жутчайшая смесь героики и подлости, воспарений человеческого духа и падения человеческой нравственности... В походы за линию горизонта никогда не отправляются альтруисты в белых перчатках, в таких случаях на историческую сцену выходят, как правило, авантюристы - алчные, предприимчивые, эгоистичные, жестокие, равнодушные к своей и чужим жизням. Кто шёл в отрядах "покорителей Сибири"? Казаки, стрельцы, военнопленная или переметнувшаяся на сторону русских "литва" (литовцы, латыши, поляки, шведы, немцы, украинцы, белорусы), повёрстанные на службу татары... Это - профессионалы копья и клинка, воюющие за деньги. Это - "перекати-поле", люди, в большинстве своём не имевшие дома, семьи, а кое-кто и отчизны. Это - разноязыкая и разноплеменная толпа, поклоняющаяся разным богам и не чтящая заповедей ни одного бога. Таких объединяет только одно - жажда наживы. Если же грабёж ведётся под патронажем государства, то вовсе нет границ их жестокости и несправедливости.

В 1606 г. С. Бартенев и М. Ржевский, назначенные томскими воеводами вместо Г.И. Писемского и В.Ф. Тыркова, уже по дороге к новому месту службы повели себя как победители на захваченной территории: “Едучи по Оби-реке, ясашных людей пытками пытали и поминки (поборы. - Я.Я.) с них великие имали, и их грабили, лисицы и собаки, и рыбу, и жир, чем они сыты бывают, имали насильством”. В городе воеводы продолжали бесчинства: “...Ясашных людей сильно имали себе в холопы”. А Бартенев, кроме того, “имал жёны их сильно и держал в постели”.

Жестокость может породить только жестокость. Прислал кыргызский князец Номча в Томск в качестве парламентёра с предложением о мире свою жену. Принять бы посла по-человечески, глядишь - и одним врагом у русских стало бы меньше. Так нет! Приглянулась воеводам шуба, не стерпели - ограбили княжескую жену да ещё и в дипломатическом ранге. Двойную обиду нанесли гордому степняку. В итоге Номча тут же разорил и сжёг несколько поселений на Чулыме.

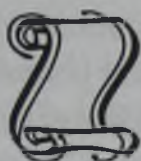

...Первоначальное население Томска состояло из смеси разгульных казаков, корыстолюбивых промышленников, заморских искателей счастья, шведов и немцев, буйных стрельцов, переселённых сюда изуверов и пленных поляков... к этому присоединялись ссыльные преступники и местные татары...

(Латышев А. Исторические замечания о городе Томске // Сын Отечества. 1852. Кн. 5-6)

...Данники старались угодить сборщикам ясака из боязни огнестрельного оружия и всяких поруганий... а ещё из сострадания к заложникам - аманатам, своим близким и дальним родственникам, которых содержали в темнице. Если ясак был своевремен и богат, аманатам назначалось сносное житьё, но ежели запаздывали обозы или, упаси бог, привозили добра меньше того, что полагалось, тяжело приходилось заложникам - они криками и воплями заклинали соплеменников не задерживать проклятый ясак.

(Шинкарёв Л.И. Сибирь: откуда она пошла и куда она идёт. М., 1978. С. 54)

Насилие и самоуправство воевод и служилых людей по отношению к инородцам вошло в систему - они их облагали двойным ясаком, грабили пушнину, подвергали пыткам, насиловали женщин, обращали инородцев в рабство. Простые обыватели тоже не отставали от своего начальства и дружно удобряли почву, на которой воспитывались нравы.

(Адрианов А.В. Томская старина // Город Томск. 1912. С. 12-13)

Не отставали от вельмож и их подчинённые. Томичи в походах за “мягкой рухлядью” пытали и убивали и кетских селькупов, и кузнецких шорцев, и вовсе уж далёких эвенов... Каждый сбор ясака обрачивался беспределом, влѣк за собой грабѣж и унижение, а иногда и смерть. Это местные жители ощутили сразу же. Посему уже на следующий год после постройки Томска часть местных татар под предводительством Басандая, Барагды и Лачи “отшатнулась” и вступила в сговор с кыргызами о совместном выступлении на новоявленный острог. Только длинные языки союзников и своевременная реакция русских помешали осуществлению этих замыслов. В том же году был раскрыт заговор кетских селькупов и чулымских тюрков. И позже - почти целый век - Томск вынужден был воевать: “немирные инородцы” осаждали город в 1614, 1621, 1630, 1654, 1674, 1680, 1682, 1700 гг. Это не считая раскрытых заговоров и многократных военных столкновений за пределами города во время военных походов и сбора ясака. И нередко кровь лилась из-за неуёмной алчности “покорителей Сибири”.

Ладно бы томичи воевали только с внешним врагом, которым для

них было сибирское население. Так нет же: “бунташный” нрав первых горожан и жажда наживы, помноженные на военную атмосферу эпохи, постоянно провоцировали кровавые междоусобицы и внутри стен кремля.

В 1633 г. заговор готовила “литва” - ссыльные военнопленные. Перебить воевод и сбежать на Волгу им не удалось: эти намерения были раскрыты, 12 человек повешены.

В 1637 г. взбунтовалась уже вся служилая голытьба без различия нации и веры. В томскую историю это событие вошло под названием “хлебного бунта” под руководством А. Губы и И. Володимерца. Служилым людям в Сибири жалованье выдавалось в разных видах - деньгами, солью, мукой, крупой, толокном... “Жалованный хлеб” был привозным. Но со временем у служилых появились свои запашки и своё зерно. На этом основании воевода И.И. Ромодановский и распорядился кому-то уменьшить, а кого-то и вовсе лишить положенного государем довольствия, не бескорыстно передав его хлеботорговцам. До бога, мол, высоко, а до царя далеко. Ан нет! Просчитался воевода. Семь сотен мятежных томичей после ругани, кулачных стычек и сидения в холодной отправили челобитчиков в первопрестольную за правдой и добились-таки своего: получили и положенный корм, и нового воеводу С. Клубкова-Масальского взамен прежнего лихоимца.

Однако самыми драматическими событиями оказались наполнены 1648 - 1649 гг. Начались они с переполнивших чашу людского терпения нечистоплотных деяний воеводы О.И. Щербатого, который увеличил поборы и “десятину государева поля” (площадь запашки с урожаем для казны), уменьшил размер хлебного жалованья, беззастенчиво монополизировал местную торговлю, крал жалованье, устраивал пьяные оргии, “позорил многих жён и дочерей”... Кому такое понравится? Созрел заговор, во главе которого встали помощник воеводы И.Н. Бунаков, дьяк Б.И. Петрикеев, казацкий голова З. Литосов, боярский сын Ф. Пуцин, пятидесятник И. Володимерец и выпущенный ими из тюрьмы Г. Плещеев-Подрез - ссыльный авантюрист с бурной уголовной биографией.

Город разделился на две неравные части - за Щербатого и против него. Последних было больше, и они взяли верх. В значительной мере причи-

ной их победы стали "популистские", как бы сейчас сказали, меры. Так, Бунаков и его сторонники прекратили ремонт городских укреплений, на которых должны были работать все жители, ликвидировали налог на возведение в Томске административных построек, выпустили часть заключённых, отменили приказ о посылке 200 служилых на помощь Красноярску... В итоге в начале мая горожане отказали О.И. Щербатому в воеводстве, арестовали и посадили на его место бывшего "зама" И.Н. Бунакова. Началась любимая забава всех бунтарей и революционеров: избиение, изгнание из города и заключение в тюрьму сторонников бывшего воеводы, грабёж и передел их имущества, захват документов. "Щербатовцы" пытались вывезти из Томска бумаги и драгоценности своего "патрона", но были настигнуты и избиты. Наоборот, не таясь, из осторожных ворот выезжали челобитчики мирского круга - как водится, правду ездили искать в первопрестольную.

В Москве в это время тоже бунтовали, посему государь Алексей Михайлович решил не испытывать судьбу и принял соломоново решение: пусть в Томске на воеводстве сидят двое - и Щербатый, и Бунаков. А потом, мол, разберёмся, кто прав, кто виноват. Только кто ж будет делиться властью с побеждённым? И, в послушание монарха, Илья Бунаков в воеводском кресле не подвинулся. Правда, в марте 1649 г. князя Осипа из темницы всё ж выпустил.

А дальше всё происходило так, как это обычно бывает в подобных случаях. Новый предводитель постепенно стал "страшно далёк от народа". Рядовые бунтари, запутавшись в интригах руководителей, начали задумываться о последствиях и поубавили свои страсти. Москва тоже пошла на попятную, заменив в августе 1649 г. неугодного томичам воеводу на М.П. Волынского и Б.А. Коковинского. Новые властители, проводив О.И. Щербатова в столицу на повышение и наказав И.Н. Бунакова батогам с последующей ссылкой, занялись текущими проблемами. Любопытно, что вскоре оба непримиримых врага на томском воеводстве показали себя героями в войне с Польшей.

Междоусобиц и крови было б наверняка больше, если б страсти не обуздывались духовными пастырями. Церковь в то время играла важнейшую роль в жизни русского общества и активно участвовала в сибирских инициативах государства. Если на первой ладье "за Камень"

плыл казак с пищалью, то на второй - пахарь с сохой и священник с крестом. Светские власти, в свою очередь, строго следили за церковным строительством на новых землях. Для них было бы непоправимой оплошностью выпустить из-под идеологического "колпака" сибирских подданных, удалившихся не только от государственного репрессивного аппарата, но и от человеческих добродетелей и христианской покорности.

Имелась, очевидно, у людей и внутренняя потребность в общении с богом, которая чаще всего усилится в периоды тяжёлой борьбы за физическое выживание. Как бы там ни было, но в первые же годы томичи срубили себе на горе церковь. Она была посвящена Святой Живоначальной Троице - и не случайно. Именно иконой древнего византийского письма "Троица Ветхозаветная" (67 x 89 см, в серебряной ризе с финифтевыми венчиками) Борис Годунов благословил первостроителей Томска. Он же из личной казны выделил часть средств для строительства храма под эту святыню.

Но ничто не вечно, в том числе и храмы... В 1811 г. Троицкая церковь была закрыта, а через 8 лет - разобрана. В этот момент, а может быть и раньше, икона оказалась в соборном храме города - Благовещенском. Однако постепенно в суете и буднях городской жизни она затерялась и совершенно неожиданно была вновь обнаружена только в 1909 г. А затем вновь исчезла. Так что среди множества томских тайн, открытие которых ждёт своего часа, имеется и тайна первой православной святыни города. А вдруг та доска с ликами Святой Троицы до сих пор стоит в чьём-то красном углу либо пылится на чердаке, а её хозяин даже не подозревает об исторической ценности своего владения?

Ненамного задержалось и появление первого монастыря. По некоторым данным, в начале 1620-х гг. в остроге уже был построен Успенский мужской монастырь, судьба которого оказалась короткой и потерянной для нас во тьме времён. Возможно, что именно его братия через несколько лет образовала Богородице-Алексеевскую обитель ниже по течению Томи. Здесь впадает р. Большая Киргизка, поэтому монастырь имел и второе название - Усть-Киргизский. Достаточно быстро стала очевидной ошибка в выборе этого места, ибо степняки-язычники не видели разницы между сборщиками ясака и святыми отцами, частенько своими набегами тревожа мирную жизнь монастыря. Посему после большого

пожара монахи не стали восстанавливать обитель и в 1658-1663 гг. перенеслись поближе к спасительным стенам, прочно и надолго обосновавшись на Юрточной горе ушайкинского левобережья напротив острога. С этого-то момента и начинается свой отсчёт легенда о томских подземных ходах, которая до сих пор не даёт спокойно жить многим энергичным легковерам.

Они убеждены, что на случай внезапного нападения монахами была сооружена разветвлённая сеть тоннелей. Один путь якобы вёл к "круглому острожку" - небольшому форту, поставленному севернее острога и, в свою очередь, соединённому подземным ходом с основной цитаделью. Другой тоннель, длиной около 400 м на глубине от 3 до 10 м, был проложен севернее церкви Воскресения по направлению к Соляной площади. Он имел тупиковые ответвления, в которых, по убеждению нынешних фантазёров, и доныне хранятся когда-то сокрытые во время кыргызского набега монастырские сокровища.

По деревянной церкви во имя святого "Алексея человека Божия" весь монастырь стал зваться Алексеевским. С церковной же историей связано и возникновение название "Воскресенская гора". После переноса в 1620-х гг. первого томского монастыря к устью Большой Киргизки оставшаяся в остроге монашеская церковь Успения стала называться Воскресенской. Это название перешло сначала на взвоз, а затем и на гору. При советской власти попытались было переименовать гору в Октябрьскую, но это название осталась в официальных бумагах, томичи же не стали нарушать сложившуюся традицию.

В 1671 г. неподалеку от мужского появился и девичий монастырь, наречённый Рождественским, или Христорождественским. Однако его срок оказался в прямом смысле слова "вековым", поскольку по бедности он был закрыт уже через сто с небольшим лет.

В боях, хлопотах о хлебе насущном и надеждах на лучшую долю прошёл первый век томской истории. Не захирел, не потерялся за это время острог подобно другим своим собратьям, кому судьбой было уготовано стать только биваком на ходе россиян "встречь солнцу". Напротив, он рос, крепчал и хорошел. Увеличивалось число его жителей: если в первый год на зимовку осталось только 90 служилых людей, а в 1620 г. - 238, то в 1626 г. томский гарнизон насчитывал уже 386 казаков и стрель-

цов. Помимо них, само собой, было и мирное население - крестьяне, посадские. К 1699 г., по оценке некоторых историков, в Томске проживало уже более 2000 чел.

Вот и проплыли мы первую четверть пути по реке Памяти. Как и у каждой реки, исток этот неширок и извилист, ход воды нескор, а близкие берега густо заросли кустарником, не давая простора взгляду. И непонятно в таких местах: суждено речке расширяться и набрать мощи или удел её - завершить своё движение, уткнувшись в ближнее озерцо либо, что ещё горше, в болотину...

“Век осмнадцатый” для Российской империи был наполнен теми же заботами приращения земель, что и предыдущий. Значит, и войнами на западных, южных и восточных своих окраинах - тоже. Только вот Томска ратные дела напрямую уже не касались, ибо к той поре он оказался в глубоком тылу. Это внесло кардинальные перемены в его облик и жизнь. Очень сильно уменьшилась доля военного люда: к середине столетия гарнизон насчитывал только 542 чел., а артиллерия - лишь 14 пушек из прежних 27... Из приграничной крепости воинов, таможенников и налоговых мытарей он превращался в притрактовый город ремесленников, ямщиков и купцов.

Многое изменилось в Томске. Прежней осталась лишь его нерушимая связь с Томью - матерью и кормилицей. Даже соседние города, тоже ведь на реках вставшие, заметили это. Не случайно же они дали томичам такие “речные” прозвища, как “бакланники” и “муксунники”.

Вдоль рек - Томи и Ушайки - город и расширялся. В 1721 г. в нём уже стояло 1100 домов, а всего через полсотни лет эта цифра ещё и удвоилась - в 1772 г. было зафиксировано 2274 жилых строения. Правда, пожары, разрушительные наводнения и принудительное отселение крестьян за городскую черту оставили к 1785 г. только 1439 домов, а к последнему году XVIII столетия - 1598, однако в целом позитивная динамика заметна и по этим цифрам.

Каким же был тогда Томск? Со стороны, как говорится, виднее. Посему лучше обратиться к записям иноземцев, тем более правдивость этих документов историками под сомнение не ставится. Вот таким увидел Томск

1730-1740-х гг. действительный член Петербургской академии наук и участник Второй Камчатской экспедиции немец И.Г. Гмелин, а затем - через его книги - и европейцы: "Город как бы делится на две части, одна на возвышенности и другая - в низине. На возвышенности находится четырёхугольная деревянная крепость, построенная по обычному в России для деревянных строений образцу; с запада от неё полверсты до Томи, а прямо с южной стороны, под горой, на которой стоит крепость, течёт р. Ушайка, приводящая в движение мельницу чуть выше по течению. Во всех четырёх углах крепости и у двух ворот, расположенных на северной и южной сторонах, есть деревянные башни... Внутри крепости - деревянный кафедральный собор, дом воеводы, канцелярия, несколько каменных амбаров и каменный же цейхгауз. На колокольне кафедрального собора имеются куранты, которые по старинному обычаю отбивают часы восхода и захода солнца. На южной и северной сторонах крепости вне её построено много частных домов, рядом с северной находится часовня. А у южной - приходская церковь. Нижняя часть города самая населённая; и так как Ушайка течёт посередине, она как бы делит её на правую и левую половины. В последней располагаются главные здания двух монастырей, женского и мужского, при них есть церковь. Ещё в этой части города находится татарская слобода. В правой части есть ещё три приходские церкви и большой четырёхугольный гостиный двор, всё из дерева. В нём 45 лавок".

Но это лишь общий план. Если же знакомиться с деталями города, то уместнее обратиться к записям П.С. Палласа - ещё одного учёного немца, участника другой академической экспедиции в Сибирь. А он, европеец, с рождения привыкший к плановой застройке, в начале 1770-х гг. ужаснулся хаосу Томска: "Нельзя себе ничего беспорядочнее представить, как узенькие, кривые и одна другую пересекающие улицы, дома, один другой загораживающие, и скверные лачужки, которые... все сие многолюдное место составляли".

Но Паллас же отметил ещё одну важную деталь эволюции Томска к настоящему городу с планомерной застройкой. Правда, здесь уместно вспомнить поговорку "Не было бы счастья, да несчастье помогло". Деревянный город постоянно страдал от пожаров, и после каждого такого

бедствия новые улицы, несмотря на сопротивление и недовольства домохозяев, застраивались уже организованно.

Постепенно сформировались городские участки. На правобережье Ушайки это - Воскресенская Гора, Пески, Заозерье, Кирпичи, Новая Деревня, Шведская Гора; на левобережье - Юрточная Гора, Монастырское место, Нижняя Елань, Заисточье; на обоих берегах - Уржатка.

Бывший острог на *Воскресенской горе*, растянувшийся уже до Белого озера, по-прежнему оставался административным центром города. Он не только расширялся, но и перестраивался, хорошел. На рубеже XVIII и XIX вв. деревянная Воскресенская церковь была здесь заменена на каменную. Расположенная на значительной высоте, она и доныне радует глаз строгостью своих линий и устремлённостью к небесам.

К этому району с северо-востока примыкало первое городское кладбище, расположенное уже за пределами границ Томска *. Оно называлось Вознесенским по выстроенной здесь же в 1787 г. церкви во имя Вознесения Господня. Разумеется, людей хоронили и раньше, но делали это возле церквей, что приносило немало проблем при последующей застройке города. Только после екатерининского указа 1772 г. о запрете прихрамовых погребений в Томске оформился такой элемент городской культуры, как вынесенный за жилую зону некрополь.

Под горой вдоль Томи ниже ушайкинского устья место звалось *Пески*. ** Здесь стояли 2 деревянные церкви: во имя Сошествия Святого Духа (Духовская), построенная в 1652 г., и Богоявления Господнего (Богоявленская), освящённая ещё раньше - в 1630 г. Последний храм был центром Нижнего Томского города. Он первым встречал прибывших по реке в город, на его площади стояли отдельная звонница, мирская изба (канцелярия городского самоуправления), лобное место, темница и эшафот. К нему же примыкало большое кладбище. Правда, захороненным там томичам первых поколений не суждено было обрести вечный покой - их могилы оказались почти целиком уничтоженными в XIX-XX вв. и продол-

* Район современных ул. Дальнеключевской и начала ул. Пушкина. Непосредственно на кладбище стоит завод "Сибкабель" с НИИ, школа-интернат № 3.

** Нынешние пр. Ленина, ул. К. Маркса, ул. Р. Люксембург, ул. Большая и Малая Подгорные и пересекающие их переулки до Дальнеключевского.

Томск. Пески. Открытка нач. XX в.

жают разрушаться в наши дни. Храму катастрофически не везло - он горел в 1639, 1741, 1769 гг., пока наконец не был выполнен из кирпича. И стал первой томской каменной постройкой, к тому же двухэтажной. Нижний этаж Богоявленской церкви освятили в 1784 г., верхний - в 1817 г. У неё была сложная судьба, но, слава богу, она пережила лихую годину и сегодня получает вторую жизнь.

*Заозерье** отделялось от Песков пересыхавшим в межень старым рукавом Томи. Оно было заселено ещё в первом столетии томской истории несчастными угличанами. Судьбе было угодно распорядиться так, что из-за козней московских царедворцев именно в Угличе в 1591 г. был убит царевич Дмитрий - последний Рюрикович. Но рассчитывать за боярские политические козни, как всегда, пришлось холопам. Всё население города и уезда - около 30 000 чел. - было отправлено в сибирскую ссыл-

* Ныне от Центрального рынка до ул. Бердской и от пр. Ленина до р. Томи.

Томск. Заозерье. Открытка нач. XX в.

ку. Более того, вместе с ними в Пелым был сослан и колокол, который оповестил мир о дето- и цареубийстве. И несчастные люди тащили за собой на санях многопудовую махину - своего медного земляка. Вскоре часть угличан была переведена в Верхотурье, а оттуда - в Томск. Они-то и образовали компактную группу жителей Заозерья.

Во второй половине XVIII в. в городе началось каменное строительство. Для обустройства мастерских для выделки кирпича ремесленники стали искать место, где одновременно можно было б взять и глину, и песок, и воду. Нашли... Между восточным склоном Воскресенской горы и Ушайкой. Этот район так и нарекли - *Кирпичи**.

А далее на северо-восток располагалось самое окраинное и совсем малое по площади историческое место с названием *Новая Деревня***.

* Между современными ул. Яковлева и ул. Октябрьской.

** Сейчас от ул. Больничной до р. Ушайки и от ул. Яковлева до ул. Северо-Казанской.

Образовано оно было в конце XVII столетия монастырскими крестьянами из Тобольска, переведёнными в Томск. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что первоначальное поселение, вскоре исчезнувшее, имело иное название, а Новой Деревней были названы дома, срубленные уже в XIX в.

Если некрополь - "город мёртвых", то к числу освоенных мест надо отнести и Шведскую гору: здесь томичи-католики XVIII столетия основали последний приют для усопших. В настоящее время это место в северной части города зовётся "1-й Каштак". Почему "горка" - понятно, это на самом деле возвышенность, а подобная особенность почти всегда отмечается в названии. Например, есть несколько версий перевода тюркского топонима *Каштак*: *кыштаг* - "зимняя гора", *кашта* - "местность на бровке / рубеже", *кастаг* - "вражья гора". В двух вариантах из трёх в названии тоже присутствует слово "гора". Но почему "шведская"? Достаточно убедительная версия гласит, что именно на этом месте похоронили не переживших ссылку военнопленных шведов и их пастора, присланных на жительство в Томск из Тобольска в 1714 г. Причём легенды включают в число усопших две весьма известные персоны. Первая - это шведский драгун, первый муж Марты Скавронской, которая потом стала женой Петра Великого, а после смерти своего венценосного супруга и императрицей Екатериной I. Вторая, не менее легендарная историческая личность - генерал Шлипенбах, удостоенный чести быть героем пушкинской "Полтавы" ("...Сдаётся пылкий Шлипенбах"). Если при строго научном подходе сведения об этих людях более годны для копилки фольклора, чем для скрижалей истории, то могилы полковника Запорожского войска, руководителя антишляхетского восстания С.Ф. Палия и последнего коменданта города французского дворянина Т.Т. Девильнева (де Вильнева) документированы.

Наиболее обжитым левобережным относительно Ушайки районом была, конечно же, *Юрточная Гора**. Правда, самих татарских юрт, как и жилищ торговых "бухарцев", здесь уже не было, они постепенно переместились в Заисточье. На горе администрация стала селить новопри-

* Ныне от р. Ушайки до ул. Герцена и от ул. Источной до ул. Красноармейской.

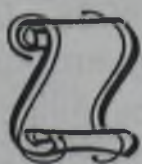
бывших мещан - была в XVIII столетии попытка навести порядок "с пропиской", когда крестьян выселяли из Томска в сельскую местность, а приписанных к городу мещан, обосновавшихся в деревнях, перемещали в обратном направлении.

Старожилом стало к той поре и *Монастырское место*^{*}, где давно уж стояли постройки мужского Алексеевского и девичьего Христорожественского монастырей. Заняв в своё время пустырь, они смогли вольготно раскинуться на удобном и красивом месте. В 1721 г. на Алексеевском монастырском подворье уже стояли храм, колокольня, кельи, кладовая, сад и больница. Помимо того, за оградой были расположены дом для рабочих и скотный двор. Отдельное место занимало кладбище. В 1710-1711 гг. прежняя церковь Алексея человека Божия обветшала, и на её месте построили новую, посвящённую Казанской Божией Матери. С той поры монастырь стал зваться Богородско-Алексеевским. Правда, и эта, и последующая церкви погибли в пожарах. И вот тогда в 1779-1789 гг. деревянный храм был заменён на каменный. Он имел 7 куполов и 9 колоколов, в том числе колокол Большой в 303 пуда весом. После лишения монастырей привилегий в 1764 г. и без того не слишком-то богатая обитель начала хиреть.

Ещё хуже обстояли дела у девичьего монастыря, который, в отличие от мужского, никогда не владел ни крестьянами, ни землями, ни угодьями. Всей "недвижимости" у него было лишь небольшая церквушка, шесть келий да больница. К 1740 г. в обители осталось только 7 старых монахинь, кормящихся милостыней. Посему она даже не дожила до упомянутого указа о ликвидации монастырских привилегий, тихо закончив свои дни во второй половине XVIII в. Построенную уже после этого и освящённую в 1810 г. каменную церковь передали приходу.

Монастыри в России всегда служили местом ссылки. Наиболее известным узником Томской Богородско-Алексеевской обители стал А.П. Ганнибал - эфиоп, военный инженер, генерал-аншеф русской армии, крестник Петра Великого и прадед по матери А.С. Пушкина. В монастыре он находился непродолжительное время в 1729-1730 гг. А самой именитой

* Сейчас от р. Ушайки до пр. Фрунзе и от ул. Крылова до ул. Гоголя.

“Девка Катерина Долгорукова дочь” - так теперь именовали в указах невесту царскую. Снежная пурга бушевала за окраинами Томска, когда её вывели из острога, всю в чёрном, гневную и непокорную... Из архиерейской канцелярии вышел иеромонах Моисей, а за ним - служки с ножницами. Из-под платка княжны Долгорукой распустили по плечам густейшую копну волос, и вся краса девичья полегла ей под ноги - яркая, быстро заметал её снег. Великий постриг свершили над нею! Моисей при этом, как и положено, вопросы духовные задавал, но Катька губы в нитку свела - только мычала (так поступали все насильственно постригаемые)...

затворницей Томского Христорожественского монастыря надо признать Е.А. Долгорукую - княжну и невесту Петра II, только неожиданная смерть которого на позволила ей стать российской императрицей. В Томске 28-летняя женщина, пережившая к той поре уже ссылку в Берёзове и потерю почти всех своих родных, была насильно пострижена в декабре 1740 г. и прожила более года, вплоть до смерти обидчицы своей императрицы Анны Иоанновны.

“Еланью” татары называли поляну в лесу, пригодную для покосов и хлебопашества. В этом же значении слово стали использовать и новые жители края. Удобное место к югу от Юрточной Горы и Монастырского места, названное Еланью, томичи освоили для хозяйственных нужд ещё в первом столетии. Оно делилось на две части. *Нижняя Елань** в конце XVIII в. начала уже застраиваться, южная граница раздвинувшегося города подошла вплотную к берёзовой роще в районе нынешнего университета. А Верхняя Елань - территория, расположенная далее к югу и

* Район нынешних ул. Герцена, ул. Советской, начало пр. Фрунзе.

действительно выше в рельефе, чем Нижняя Елань, пока ещё оставалась размежёванной на поля и сенокосные деляны. В те времена по Еланям протекали живые ещё речки Игуменка и Еланка, ныне закатанные под асфальт.

*Заисточье** - узкая полоса низкого берега вдоль р. Томи - тоже стало новостройкой XVIII столетия. Второе название этого района - Татарская слобода - недвусмысленно указывает на состав населения. Действительно, сюда постепенно переместились татары с Юрточной горы, с противоположного берега Томи. Они, давнишние коневоды, возчики и кузнецы, как и подселившиеся к ним купцы-"бухарцы", выбрали это место, конечно же, не случайно. Приманкой стал Сибирский тракт. Эта самая протяжённая в мире сухопутная почтовая линия длиной 12745 вёрст (13599 километров) от Санкт-Петербурга до Охотска начала складываться с конца XVII в. и, к счастью, прошла через Томск. К 1770-м гг. почти все участки тракта в пределах томских земель оказались заселёнными. В Заисточье

Доставили её в нищенский Рождественский монастырь, худой и забвенный, где монашеники с подаяния мирского проживали. В обители кельи "все ветхие, стояли врознь... монахинь семь - стары и дряхлы, и ходить едва могут, а одна очами не видит"...

На всю Рождественскую обитель каждый год всего шесть рублей отпускалось - голодно, холодно. Вот и повадилась Катька по субботам выходить из обители. Шла в ряд с монахинями по улицам томским, возле дворов постыдно кланчила: "Подайте, Христа ради, царице российской..."

(Пикуль В.С. Слово и дело. Кн. 2. М., 1993. С. 428-429)

* Нынешняя территория от ТЭЦ-1 до Коммунального моста и пр. Ленина до р. Томи.

Томск. Заисточье. Открытка нач. XX в.

у подножия Юрточной горы в конце того же столетия располагался и "почтовый дом". Дорога к западу от его крыльца называлась томичами Московским трактом, к востоку - Иркутским. Вдоль Московского тракта и образовался новый городской район.

А вот район с названием *Уржатка*, граничивший сразу с Песками, Болотом, Монастырским местом и Юрточной Горой, захватывал оба берега Ушайки в самом её устье*. Поставленную здесь уже в первой половине XVI в. деревянную Благовещенскую церковь в 1789-1790 гг. начали перестраивать в каменную. Новый храм был освящён в 1804-1806 гг. и стал надолго главным городским собором. Именно Уржатка первые два века служила воротами Томска - города на реке. Здесь, в ушайкинском устье,

* Сейчас здесь расположены ул. Обруб, ул. Набережная р. Ушайки, пер. Батенькова, пер. Аптекарский, пер. Комсомольский, пер. Пионерский, пер. Кононова, пер. Нахановича, пл. Батенькова, пл. Конная и часть пл. Ленина.

Томск. Уржатка. Открытка нач. XX в.

швартовались лёгкие речные суда, покуда не появились тяжёлые пароходы и пристань не переместилась на берег Томи.

А судов было немало. Случайно или намеренно, но при выборе местоположения города основатели попали, как говорится, “в десятку”. Если в древности “все дороги вели в Рим”, то в Сибири XVII-XVIII вв. “все дороги вели в Томск”. Дело в том, что связь с северными и западными острогами и городами вплоть до Тобольска - столицы тогдашней Сибири - и до Урала удобнее и дешевле было осуществлять по рекам - Томи, Оби, Иртышу, Туре. А с югом и востоком - Кузнецком, Минусинском, Красноярском и землями, лежавшими далее, вплоть до Монголии и Китая, - отношения всегда поддерживались посуху. Узловой точкой, соединившей речной и сухопутный транспорт, стал Томск.

Надо ли говорить о чрезвычайной выгодности для города такой ситуации? Во-первых, всё сообщение между восточной и западной частями огромной империи шло через Томск - почта, люди, товары... Во-вторых,

чтобы перегрузить товары с одного транспорта на другой, требовались пристани, склады, постоянные дворы, рабочий люд, транспорт... Это сулило городу великолепные перспективы.

А объёмы всё более и более возрастающего товарооборота были немалыми уже в XVIII столетии. В город регулярно заворачивали торговые караваны, шедшие в Россию из Китая, Средней Азии, Калмыкии, Джунгарии. Например, калмыцкие и джунгарские купцы приходили дважды в год. И.Г. Гмелин насчитал как-то в одном из таких караванов 200 верблюдов.

В таких условиях томичи просто не могли не заняться ремеслом и торговлей. К середине XVIII в. уже двое из трёх мужчин города работали либо в мастерской, либо в лавке. К концу же столетия в Томске насчитывалось уже 870 ремесленников, объединённых в 21 цех, и 69 гильдейских купцов. Последние консолидировали в своих руках не только капиталы, но и власть, политическую силу.

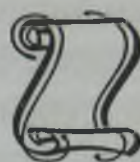
Купцы, особенно сметливые, оборотистые да фартовые, имели большой общественный вес. Для мещан и крестьян они служили живым примером "делать жизнь с кого". Поэтому нередко именно они избирались в органы городского самоуправления. Самым крутым и шумливым бургомистром, оставшимся в памяти томичей, стал как раз самый богатый купец. Фамилия, кстати, у него была вполне подходящая - Шумилов. Как рассказывали очевидцы, он "держал общество в таком страхе и повиновении, что всякие дела и домашние ссоры, возникавшие между мещанами, разбирались и оканчивались им беспрекословно. Он без разбора наказывал розгами и мужчин, и женщин, и чем уже решит дело, то и исполнялось без малейшего возражения". Так и хочется вспомнить классику: "О, времена! О, нравы!"

А, собственно, откуда было взяться благопристойному поведению у детей и внуков тех, кто убивал человека за соболиную шкурку? Да и новые томичи, наезжавшие из-за Урала, не отличались особым законопослушанием и высокими нравственными принципами. Ведь Сибирь была тогда пугалом для россиянина. Чтобы отчаяться на добровольное переселение сюда, нужно было иметь и смелость, и незаурядность, и склонность к неординарным поступкам. А уж те, кто ехал по приговору, обла-

дали этими качествами в высшей мере. Каторжан, ссыльнопоселенцев, беглых татей и их потомков в Сибири всегда было в избытке, а после указа императрицы Елизаветы Петровны о замене смертной казни и отсечения частей тела ссылкой за Урал стало ещё больше.

Поэтому и нравы горожан в XVIII в. были достаточно жестокими, а образ жизни - беспечным и ленивым. "Нечего греха таить, старая слава о томичах не очень высокой пробы", - писал ещё почти сто лет назад А.В. Адрианов. В многочисленных записках иностранцев, посетивших в то столетие город, неблагоприятный социальный портрет обитателей нарисован с удивлением, непониманием и неприязнью. Администрация, как будто на генетическом уровне наследовав безудержную алчность первых томских воевод, в первую очередь думала о "подарках" (узаконенных взятках), откупах и прямом грабеже подвластного населения. Купеческие лавки круглогодично работали только до полудня. Горожане жили безынициативно и лениво. И.Г. Гмелин в 1734 г. с негодованием писал: эпизоотия уничтожила в Томске около двух третей лошадей и почти всех коров,

Причиною этому, по большей части, распутная жизнь обывателей и, хотя полиция берёт с хозяина дома, где случился пожар, 10 рублей штрафа, но нравов не исправляет.

(И.-П. Фальк. 1771 г.)

Ни одного места не видал я такого, в котором бы пьянство было столь обще и столь бы высокой степени, как в Томске; ещё к тому два господствующие и между собой свойственные пороки суть блудоддеяние и французская болезнь.

(Ф. Паллас. 1770 г.)

но “никто не предпринял против этого даже самых ничтожных мер”. Он же в 1741 г. стал свидетелем двух пожаров: 22 апреля сгорело 240 жилых домов, церковь и немало административных и торговых построек, а через 6 дней огонь унёс ещё 12 домов. И всё это - при полном равнодушии горожан и властей, без малейшего наказания виновных. Не удивительно, что пожары были постоянным спутником томичей, периодически уничтожая до половины города.

Если согласиться с Б. Расселом, что “уметь с умом распорядиться досугом - высшая ступень цивилизованности”, то томичам XVIII столетия придётся отказать в этой ступени. Их досуг чаще был безыскусен и груб. В церковные праздники никто не работал, жизнь замирала, однако, как сетуют те же иностранцы, народ не спешил в храмы, а усиленно предавался пьянству, разврату и дракам. Любимой забавой оставались кулачные бои, или “войнишки”, как их называли в Томске. Они организовывались так часто и в таких размерах, что стали мешать движению экипажей. Посему власти вынуждены были перенести “мордобои” с их традиционного места на Вокресенской горе в Заисточье.

Понятно, что при таких нравах уголовные преступления были нормой жизни. Кражи, грабежи, убийства... Рядовой случай: в 1712 г. А.Т. Нелюбина на заём 2 руб. закладывает на 2 года сыну боярскому Ф. Протопопову свою дочь Алёну, а уже через половину этого срока изувеченный труп девушки находят в Ушайке. Дошло до того, что дума была вынуждена ввести дополнительные налоги на томичей - чтобы “не было воров, драк и пожаров”. На эти деньги был создан прообраз нынешней “милиции общественной безопасности” для ночных караулов с колотушками и трещотками и перегораживания улиц рогатками на колёсах.

Однако не случайно развитие отечественной культуры в XVIII в. учёные называли “спрессованным”. Переход к европейским образцам, начавшийся при Петре I и особенно усилившийся при Екатерине II, значительно изменил русское общество, придав динамику всем процессам. Не могли не появиться признаки нового и в томской жизни. По-прежнему на Масленицу катались на тройках, устраивали ледяные горки и жгли чучело. По-прежнему в мае ходили крестным ходом с иконами из сёл Семилужного, Богородского и Спасского. Но уже появились на ярмароч-

ной площади заезжие кукловоды со своими вертепами, а в августе 1791 г. томичи увидели и вовсе диво дивное: в небо над Воскресенской горой со двора коменданта Т.Т. Девильнева поднялся воздушный шар. Европейскую новинку, яркий символ капиталистического будущего, жителям ещё пребывавшей в феодализме Сибири продемонстрировал во время остановки на своём скорбном каторжном пути в Илимский острог вольнодумец А.Н. Радищев.

Томск изменялся не только культурно, повышался и его образовательный уровень. Всё меньше и меньше горожан из простонародья шли на Пески, чтобы надиктовать площадному подьячему челобитную либо грамотку в дальние края. Служилые и посадские люди в ходе домашнего обучения всё активнее стали овладевать навыками элементарного письма и чтения. Правительство пыталось стимулировать этот процесс. Например, в марте 1747 г. вышло постановление Сената, ограничивавшее в Сибири присвоение очередных чинов неграмотным служилым людям.

Появились и первые школы. В начале 1730-х гг. открылась гарнизонная школа для детей служилых людей, 5 марта 1746 г. - для детей священнослужителей. Последняя была названа Русским духовным училищем и располагалась при томском Богородско-Алексеевском монастыре. Ровно через 15 лет она была преобразована в славяно-русскую школу. В 1758 г. была организована геодезическая школа, где прапорщик П. Григорьев обучал детей служилых людей и подьячих Томска, Кузнецка и других городов. Первого июня 1788 г. для "купецких и мещанских малолетних детей" распахнула свои двери начальная школа, содержавшаяся на средства городского общества, а 24 ноября 1789 г. - малое народное училище, финансируемое государством. В училище получали основы грамотности в среднем 60 мальчиков ежегодно. Так что томичей, способных писать и читать, становилось всё больше и больше.

XVIII в. с полным основанием можно назвать эпохой количественного и качественного роста города на Томи. К концу столетия он превратился в довольно-таки крупный населённый пункт: историки определяют число томичей от 6097 чел. (2916 мужчин и 3185 женщин) до примерно 8000 чел. (4788 мужчин податных сословий, т. е. без дворян, духовенства, и более 3000 женщин). Тогда же Томск по своим архитектур-

но-планировочным характеристикам, хозяйственной жизни и культурно-образовательному облику жителей превратился из крепости в город.

Каждый участок реки (и реки Времени тоже) неповторим и красив по-своему. Заканчивается извилистый, бурливый исток - и глазам открывается уже иная река: русло становится шире, течение спокойнее, вода прозрачнее, берега прогалистее... И можно уже догадаться, что река эта сильна и величава. Но не показывает пока всей своей мощи и красоты, течёт далее, ждёт простора...

...Знаменательное для томичей событие произошло 26 февраля 1804 г. - именно в этот один из последних зимних дней император Александр I подписал указ об образовании Томской губернии. В столице уже были видны признаки весны... И никто тогда - ни сам российский самодержец, ни жители далёкого сибирского городка - не могли даже предугадать, какие живительные силы вдохнул в Томск росчерк царского пера, какие огромные перспективы открылись перед городом. Девятнадцатый век - эпоха губернского Томска - стал поистине золотым веком в истории города.

Томская губерния была выделена из состава Тобольской губернии и первоначально насчитывала 8 уездов: Бийский, Енисейский, Каинский, Красноярский, Кузнецкий, Нарымский, Томский и Туруханский. В 1823 г. Енисейский, Красноярский и Туруханский уезды были переданы из Томской губернии во вновь выделенную Енисейскую губернию. В 1838 г. под административную юрисдикцию Томска перевели города Семипалатинск и Усть-Каменогорск, но в 1853 г. их включили в состав образованной Семипалатинской области.

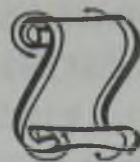
Таким образом, в разное время в Томскую губернию входили территории, которые сегодня относятся к двум суверенным государствам - России (Кемеровская, Новосибирская и Томская области, Алтайский и Красноярский края) и Казахстану.

Однако подобная прямая параллель допустима лишь в отношении пространственных масштабов. Населённые пункты в те времена были намного разреженнее, а население, соответственно, малочисленнее. Так, в

начале XIX столетия людность новой губернии историки оценивают в 174 521 чел. Сам Томск в это время переживал период внутренней перестройки и отселения жителей крестьянского сословия за городскую черту: в 1803 г. в нём стояло 1553 дома, в 1806 г. - 1436, в 1815 г. - 1444, а в 1821 г. осталось всего 1326. Последний год стал нижней точкой статистической кривой томской демографии XIX в., после неё линия неумолимо поползла вверх. Город, преодолев период переустройства, вновь начал расти. Причины были разные: стали сказываться преимущества губернского центра; часть людей мещанского сословия, по указанию М.М. Сперанского, перебралась из сёл в Томск... И в 1825 г. число домов вернулось к показателю 1806 г., но при этом из 1433 жилых строений 17 были уже каменными. Число городских жителей достигло 10867 чел.: 5807 мужчин и 5060 женщин. Медленно, но верно из городишка кирзы и сермяги Томск превращался в город хрома и сукна, вместо крестьянских сапог по его пока ещё залитым грязью улицам начали ступать чиновничьи башмаки.

В 1830-1850-х гг. высокий статус административного центра За-

Томские губернаторы:

- 1804-1808 - В.С. Хвостов
- 1808-1810 - Ф.А. фон Брин
- 1810-1812 - В.Р. Марченко
- 1812-1821 - Д.В. Илличевский
- 1823-1830 - П.К. Фролов
- 1830-1836 - Е.П. Ковалевский
- 1836-1838 - Н.А. Шленев
- 1838-1840 - Ф.Ф. Бегер
- 1840-1846 - С.П. Татаринов
- 1847-1851 - П.П. Аносов
- 1853-1856 - В.А. Бекман
- 1857-1864 - А.Д. Озерский
- 1864-1866 - Г.Г. Лерхе
- 1867-1872 - Н.В. Родзянко
- 1872-1880 - А.П. Супруненко
- 1880-1883 - В.И. Мерцалов
- 1883-1885 - И.И. Красовский
- 1885-1887 - А.Ф. Анисьин
- 1888 - А.И. Лакс
- 1888-1890 - А.П. Булюбаш
- 1890-1895 - Г.А. Тобизен
- 1895-1900 - А.А. Ломачевский
- 1900-1903 - С.А. Вяземский
- 1903-1904 - К.С. Старынкевич
- 1905 - В.Н. Азанчевский-Азанчеев
- 1905-1908 - К.С. Нолькен
- 1908-1910 - Н.Л. Гондатти
- 1910-1911 - Е.Е. Извеков
- 1911-1913 - П.К. Гран
- 1913-1917 - В.Н. Дудинский

(Дмитриенко Н.М. *Сибирский город Томск. Томск, 2000. С. 277*)

падной Сибири город подкрепил и положением лидера в экономическом развитии. Вот что пишет об этом историк Н.Ф. Емельянов: "...Томск быстро вырос... изменился по своей величине и составу жителей. Он выделился среди остальных городов своим купечеством, стал центром большой торговли и перевала товаров с рек на тракт и обратно, прославился своими ремесленниками и промыслами. Благодаря развитию торговли и ремесленного промысла Томск в большей степени стал буржуазным городом Сибири, преодолевая косность и рутинность феодального строя. С развитием промышленности, золотодобычи и притоком поселенцев в край Томск стал самым населённым городом Западной Сибири, где было много военных, чиновников, купцов и другого гражданского населения".

К концу 1830-х гг. Томск уже имел очень сложную городскую организацию. Четыре его квартала состояли из 12 больших улиц, 78 переулков и 10 мостов. Культурные сооружения были представлены 8 каменными православными храмами, 1 каменной лютеранской церковью и 1 деревянной мечетью; административные - 6 каменными постройками; общественные - 2 каменными и 4 деревянными зданиями. Горожане жили в 17 каменных и 1868 деревянных домах. Кроме того, в Томске располагались: 2 богадельни, 1 больница, 15 полицейских будок, 21 питейное заведение, 18 кожевенных заводов, 7 мыловарен, 1 салотопня, 24 кирпичных сарая, 1 водяная и 1 ветряная мельницы, 52 кузницы, 24 кирпичных завода, 2 пороховых погреба, 1 тюремный острог, 1 провиантский магазин, 1 соляной и 1 гостиный дворы, 212 лавок, товарный склад, продовольственный рынок, 3 училища.

Всего лишь десятилетие спустя через губернский Томск пролегали уже 33 большие улицы и 38 переулков, на которых стояло 56 каменных и 1877 деревянных домов обывателей. Ещё через такой же промежуток времени, в 1858 г., бесстрастная статистика зафиксировала уже 1995 жилых домов.

Разумеется, параллельно росло и число обитателей этих домов: 1833 г. - 10577 чел., 1842 г. - 12032, 1847 г. - 12707, 1856 г. - 20202, 1858 г. - 20983 чел. За полвека население города выросло в два с половиной раза. За это время Томск из группы малых городов (до 10000 жителей) перешёл в группу средних (свыше 20000 жителей). В 1856 г. сре-

ди 323 крупных и средних городов страны он занимал 42-ю позицию, опередив всех своих соседей в Западной Сибири (в Омске тогда проживало 16416 чел., в Тобольске - 16120, в Тюмени - 11215, в Барнауле - 10922 чел.).

В городе к середине XIX столетия сформировалось несколько новых районов: *Болото**, *Верхняя Елань***, *Мухин Бугор****, *Солдатская слобода*****. Первый район заняли домишки бедняков, дешёвые постоянные дворы и мелкие ремесленные мастерские; второй - Иоанно-Предтеченский женский монастырь, пищевые предприятия, ипподром, вузовские корпуса и жильё профессуры; третий - каменный собор во имя апостолов Петра и Павла и жилища горожан средней руки; четвёртый - жильё отставных нижних чинов. Наиболее крупным районом новосёлов на рубеже XIX и XX вв. стала *Спичка (Спичфабрика)*. Образованные в то же время 5 полицейских участков Томска тоже были названы в соответствии с исторической городской топонимикой: Воскресенский, Сенной, Юрточный, Заисточный и Болотный.

С Верхней Еланью, а точнее с Лагерным садом, связан ещё один сюжет знаменитой легенды о томских трущобах. Её сторонники с воодушевлением рассказывают, что именно здесь на обрыве Томи находились выходы из подземных ходов, устроенных "чаерезами" - бандитами, грабившими на тракте обозы из Монголии и Китая. В искусственных тоннелях, куда якобы могла поместиться упряжка не то четвёрки, не то шестёрки лошадей, "разбойники с большой дороги" хранили награбленное добро и перекрашивали угнанных скакунов. Сыпучесть грунтов и активные оползневые процессы в районе Лагерного сада, заставляющие сегодня городские вкладывать огромные средства в укрепление берега, авторами и потребителями современных мифов игнорируются напрочь.

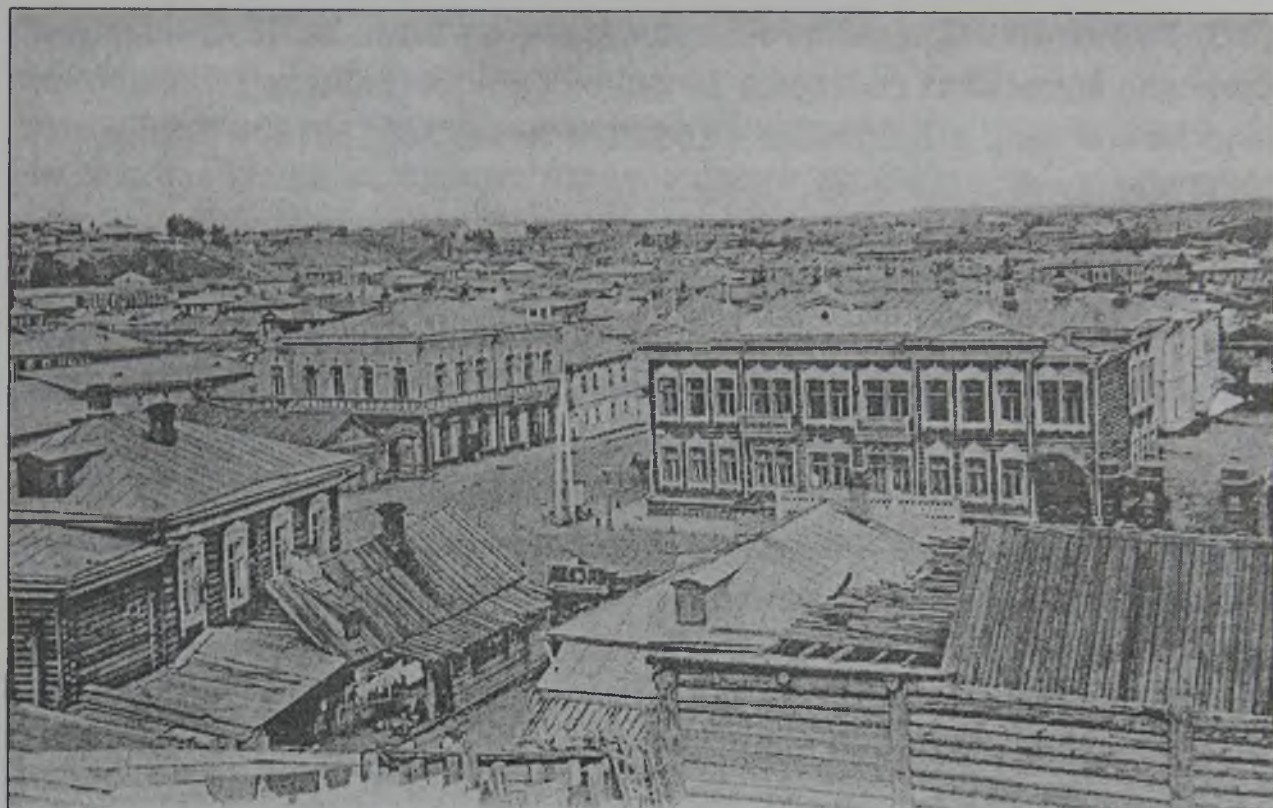
Конечно, томские трущобы - это сказки для легковых. А вот томское золото - реальность. Причём реальность очевидная и осязаемая, ибо

* Подножие юго-восточного склона Воскресенской горы в районе современных ул. Загорной, ул. Шишкова и ул. Лермонтова.

** Современный пр. Кирова, ул. Усова, ул. Учебная, ул. Кузнецова, ул. Вершинина.

*** Нынешний район кондитерской фабрики - Петропавловского собора.

**** Сегодня это ул. Красноармейская, ул. Белинского, ул. Гоголя.

Томск. Болото. Открытка нач. XX в.

Томск. Верхняя Елань. Открытка нач. XX в.

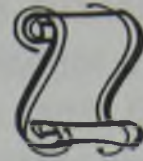

драгоценный металл, открытый в конце 1820-х гг. в Мариинском округе Томской губернии, из песка и самородков принял форму крупных банков, шикарных особняков и мощёных улиц. Именно золотодобыча сыграла важную роль в становлении Томска как крупного современного города не только Сибири, но и Российской империи.

Конечно, таких верениц охотников за удачей, какие нарисовало творческое воображение Д. Лондона на Аляске периода “золотой лихорадки”, в Томске не было. Но и здесь “жёлтый дьявол” перемешал многие человеческие судьбы и общественные положения.

Целых три десятилетия из Мариинской тайги вывозилось более чем по 45 пудов золота ежегодно, и к началу 1860-х гг. итоговая сумма составила 1458 пудов (23 тонны 328 килограммов). Значительная часть этого богатства осела в городе в виде личных особняков и торгово-промышленных зданий, стала основой предпринимательства Поповых, Асташевых, Филимоновых, Гороховых и других, в ком сошлись работоспособность, знания и фарт.

“Золотые” капиталы способствовали, прежде всего, промышленно-

...Многие купчины старинного покроя... из гостинодворцев вдруг превратились в богатейших золотоискателей и заняли первенствующее место в городском обществе. В Томске закипела золотая горячка; он засуетился... Лакеи превращались тогда в богачей, а их господа улетали в трубу; была всеобщая перетасовка общественных положений; Томск преобразился; из кучи тесно построенных деревянных домишек потемного цвета, каким он представился Сперанскому, он стал городом с шикарными палатами, садами и заимками; на Юрточной горе, до того представлявшей пустырь, вдруг возник целый новый красивый город золотопромышленников; улица, на которой они преимущественно строились, получила название Миллионной. Купцы крупные и мелкие, если не сами пускались в аферу, спешили вложить свои деньги в аферу счастливица ... общественные разгородки исчезли; товарищ [заместитель. - Я.Я.] губернатора оставил службу и пошёл в приказику к бородачу-приискателю; ссыльнокаторжный стал богатым золотопромышленником.

(Потанин Г.Н. Тайжане. Томск, 1997. С. 50-51)

му развитию Томска. В этом отношении показателен хотя бы такой факт: первый банк в городе, названный Сибирским общественным банком и распахнувший перед клиентами двери в 1844 г., был открыт на средства первых томских золотопромышленников Ф.И. и А.Я. Поповых. Распространённая в те годы благотворительность, служившая инструментом общественного признания меценатов, способствовала развитию социальной сферы города, благоустройства.

Два мощных “мотора” получил Томск для своего рывка вперёд в XIX столетии; условно их можно назвать “административный” и “экономический”. Первый включился в 1804 г., когда Томск превратился в центр одной из крупнейших в стране губерний. Набирал свои обороты этот “мотор” и позже. В 1834 г. город стал во главе Томской епархии, в 1840 г. - Томской пробирной палаты, в 1859 г. - Сибирского почтового округа, в 1860 г. - Западно-Сибирского генерал-губернаторства (теперь уже Тобольск подчинился Томску), в 1885 г. - Западно-Сибирского учебного округа, в 1886 г. - Томского почтово-телеграфного округа и т. д. Экономический “мотор” заработал в полную силу в 1830-1850-х гг., и его привёл в действие промышленный рывок Томска.

Отмена крепостничества как отдача швартовых отпустила корабль под названием “Россия” в плавание по неизвестному пока морю - морю Капитализма. Отправился в это плавание и Томск. Вторая половина XIX и начало XX в. - это время кардинальных перемен в жизни города.

Показателями капиталистического периода развития общества, как учили классики марксизма-ленинизма, являются бурный рост промышленного производства, активизация торговли, централизация капитала, увеличение числа наёмных работников - пролетариата и батраков. Всё это в Томске присутствовало.

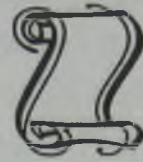
Например, число промышленных предприятий в Томске увеличилось с 23 в 1864 г. до 464 в 1908 г., т. е. в 20 раз. Что поставляли томичи на рынок, можно себе представить хотя бы по профилю местных заводов в 1900 г.: 48 - кирпичные; 24 - столярные; 20 - канатные; 10 - шорные; по 8 - свечные и экипажные; по 7 - кожевенные, слесарные и мыловаренные; по 4 - дрожжевые и гончарные; по 3 - винокуренные и спичечные; 2 - механические; по 1 - чугунолитейный и железоделательный. Ещё стре-

мительнее увеличивались темпы роста объёма производства: они за эти же четыре десятилетия подскочили со 150 тыс. руб. до 8 млн руб. - в 53 раза! Это значит, что не просто росло количество фабрик и заводов, но новые предприятия превосходили своих предшественников по технической оснащённости, количеству работников и объёму выпускаемой продукции.

На новый уровень вышли в это время и купцы - традиционное сословие Томска. Выгодное положение города как перевалочного пункта на встречном движении восточных и западных товаров, как ворот для проникновения на рынок Северной Сибири, как центра золотодобычи позволило томичам стать лидерами масштабной оптовой торговли в Сибири. В 1912 г. через склады, пакгаузы и магазины города прошло товаров на 40 млн руб., хотя число торговых заведений здесь было меньше, чем, скажем, в Омске или Иркутске. Среди 52 губернских городов империи по объёму торговли Томск занимал 22-ю позицию - весьма заметное место.

Не случайно "капитализм" образовано от слова "капитал", именно финансы в это время стали дви-

По величине и значению Томск был вторым городом Сибири, по предпринимательскому же духу, интеллигентности и благосостоянию населения он показался мне даже первым... Улицы города были немощёными и очень плохо освещались, но во время нашего посещения они показались удивительно чистыми и вообще в хорошем состоянии, а город произвёл на меня более благоприятное впечатление, чем многие из соответствующих по значению города Европейской России.

(Д. Кеннан - американский путешественник XIX в.)

гателем экономического и общественного преобразования мира, России, Томска. А там, где есть капиталы, неминуемо должны появиться и механизмы их движения - банки. После образования в 1844 г. Сибирского общественного банка имени Поповых в городе возник ещё целый ряд подобных учреждений. Едва успел в 1860 г. в России объявиться Государственный банк, как уже через 5 лет в Томске открылось его отделение - первое в Сибири. Дальнейшее приращение банков происходило в среднем через восемь лет: 1873 г. - отделение частного Сибирского торгового банка, 1893 г. - отделение Русского для внешней торговли банка (Руссенбанка), конец XIX в. - агентства Нижегородско-Самарского и Ярославско-Костромского банков, 1900 г. - банк Общества взаимного кредита, 1916 г. - отделение Петроградского международного банка. По числу банков из сибирских городов с Томском могли сравниться только Омск и Иркутск.

Буржуазные реформы привели к глубоким и необратимым социальным изменениям, прежде всего - демографическим: в российские города хлынули освободившиеся от крепостной зависимости селяне.

Томск, само собой, не остался в стороне от этого процесса; более того, именно в нём демографическая динамика отличалась наивысшими темпами. По разным источникам, в 1866 г. в городе проживало от 19750 до 22753 чел., а всего лишь через 30 лет, в 1897 г. это число составило 52210 чел., т. е. выросло в 2,5 раза. Такого роста численности не было даже в крупнейших российских городах, включая обе столицы. На исходе XIX в. Томск стал самым густонаселённым городом Сибири и занял 49-ю строку в списке российских городов. Стоит ли удивляться, что при таких темпах к 1916 г. он достиг стотысячной отметки и поднялся уже на тридцатую позицию в том же списке?!

Символом глобальных перемен в Томске стало изменение местонахождения городского центра - через два с лишним века после основания города с Воскресенской горы он переместился на Юрточную. Опорной точкой стала почтовая контора, даже гору и улицу (бывшую Большую Садовую) стали звать Почтамтскими. Именно здесь к рубежу XIX-XX вв. сформировался неповторимый архитектурный облик губернского Томска, до сих пор являющийся визитной карточкой города. Особняки мил-

Томск. Освящение Троицкого кафедрального собора. 25 мая 1900 г.

лионеров И.Д. Асташева и Ф.А. Горохова, православный Троицкий собор и лютеранская кирха, дом губернатора и губернское правление, здание управления Сибирской железной дороги и театр Е.И. Королёва, гастронном И.Г. Гадалова и бани А.Ф. Громова, мужская гимназия и женские гимназии Н.А. Тихонравовой и О.В. Миркович... Всё строилось со столичным размахом - дорого и красиво. Тот же Троицкий кафедральный собор, возводившийся, правда, весьма долго, с 1845 по 1900 г., проектировал сам К.А. Тон - автор храма Христа Спасителя в Москве и Введенского собора в Санкт-Петербурге. Храм имел паровое отопление и вмещал до 2400 чел.!

К середине XIX в. в число важнейших городских признаков вошёл уровень благоустройства. Власти Томска, жители которого два с половиной века утопали в грязи и навозе на неосвещённых улицах, тоже понимали: новому облику города должен соответствовать и более высокий уровень

коммунального хозяйства. Особенно энергично за наведение порядка дума и управа взялись в 1890-е гг.

Одним из направлений работы стало благоустройство улиц: отсыпка полотна дороги песком или гравием, выкладка бутовым камнем или мощение булыжником, устройство пешеходных тротуаров, прокладка дренажных канав, сооружение пожарных резервуаров и т. д. Для финансирования этих дорогостоящих работ дума находила самые разнообразные способы. Например, для облагораживания территории около железнодорожного вокзала средства брались с налогов на грузы, перевозимые по Томской ветке. Домовладельцам предлагалось половину расходов взять на себя, и в случае их согласия работы выполнялись споро и качественно. Прижимистые соседи начинали задумываться, что выгоднее: один раз замостить улицу или каждую неделю терять в грязи свои галоши? А богатые томичи жертвовали на благоустройство собственные капиталы. Например, З.М. Цибульский, занимая в 1879-1882 гг. пост городского головы, из своего кошелька оплачивал доставку и отсыпку гравия. К 1912 г. пятая часть томских улиц, имевших тогда общую протяжённость около 100 км, была замощена. Домовладельцы этих улиц получили строгое предписание ежедневно и круглогодично чистить прилегающий участок, а летом ещё и поливать его водой.

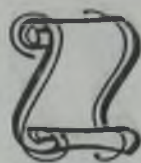
Особенно энергично благоустроительные работы развернулись в годы Первой мировой войны. К зиме 1915/16 г. в город было доставлено около 5000 военнопленных. Славян отправили на полевые работы в сельскую местность, а всех прочих задействовали в городе. В частности, в Заисточье руками немцев, австрийцев, венгров и турок была построена четырёхшлюзная дамба длиной более 3 км и шириной от 10 до 20 м, предохранявшая этот район от весенних разливов Томи до 1930 г. Военнопленные же сделали более пологим и замостили Кузнечный взвоз на Воскресенскую гору, а также, по некоторым данным, участвовали в строительстве Каменного (Думского) моста с роstralными колоннами по проекту К.К. Лыгина.

Параллельно с мощением проводилось и освещение улиц. Вообще-то возгласы "Да будет свет!" звучали в Томске неоднократно начиная с 1832 г., когда дума решила установить фонари на Московском и Иркутском трактах внутри городской черты. Однако керосин и газ не способ-

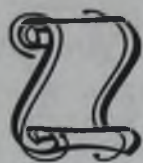
ствовали решению этой проблемы в глобальных масштабах. И вот пришла пора электричества... Первыми выгоды новой технической новинки увидели, конечно же, предприниматели. Осенью 1891 г. рабочие мукомольной мельницы И.Л. Фуксмана на Степановке восхищённо цокали языком, прищуриваясь на яркую невидаль. Другие денежные тузы не могли себе позволить отстать, и в 1894 г. автономные станции заработали на спичечной фабрике Кухтериных, на мельнице Родюкова, в торговых помещениях И.Д. Стахеева, книжном магазине и типографии П.И. Макушина... Обзавёлся собственной электростанцией и университет. Причём использовалась она не только для внутренних нужд. От неё же был запитан и первый электрический фонарь на улицах Томска - около университетской клиники. Тут уж засуетились и городские власти. И в новогоднюю ночь 1896 г. в строй была пущена первая городская электростанция: 12 фонарей враз вспыхнули на томских улицах, приводя в восторг спешивших к всеобщей радости горожан.

Ещё одной проблемой, которую томичи принялись усердно решать в те годы, был дефицит чистой

*Поздравляю, засияло
Электричество у нас.
Превосходное начало
Для прогресса. В добрый час!
Смолк насмешек голос злобный,
Миновало царство тьмы,
Утереть носы способны
Городам иным и мы.*

(“Томский листок”. 1896 г.)

Томск - красивейший город в Сибири, один из красивейших городов в целом свете.

(А. Руссель-Киллуге - французский путешественник XIX в.)

воды. Для питья, как и в прежние столетия, использовались вода из Томи, Ушайки и колодцев, с неизбежной регулярностью пополнявшихся городскими стоками. Это вело к заболеваниям и эпидемиям, последняя из которых - холерная - потрясла Томск в 1892 г. За дело взялась московская фирма "Бромлей", которая в марте 1906 г. запустила первую нитку водопровода. А к 1913 г. жителям уже 477 томских домов не нужно было ходить за водой или пользоваться услугами водоноса.

И совсем уж роскошью благоустройства смотрелся городской сад, который губернатор Г.А. Тобизен в начале 1890-х гг. распорядился разбить напротив своего дома. Странаниями учёного садовника П.Н. Крылова и архитектора Н.С. Павлова он стал образцом ландшафтной архитектуры.

К концу XIX столетия город стал совсем иным. И нет ничего удивительного в том, что всего через сотню лет после появления в Томске участников Камчатских экспедиций тональность дневниковых записей заезжих иностранцев сменилась с уничижительной на восхищённую.

Не оставался в стороне от технического прогресса и транспорт.

Для Томска - приречного торгового города - огромное значение имели перевозки по воде. Казачьи кочи и купеческие дощаники постепенно уходили за горизонт истории. Им на смену выплывали красавцы пароходы. Первый из них пришвартовался к томской пристани в 1846 г. и стал примером для местных предпринимателей. Во второй половине того же столетия немалая часть местных купцов уже обзавелась собственными судами - кто для своих нужд, а кто и для фрахта. В.А. Горохов, Д.И. Тецков, А.Е. Ельдештейн, Кондинский, Хотимский, братья Колесниковы вошли в число пионеров освоения Обь-Иртышского бассейна паровым судоходством. Это благодаря им всего за 30 лет пароходный парк вырос в 10 раз: в 1861 г. между Томском и Тюменью ходило 11 судов, в 1893 г. - уже 109. Томичи - наследственные речники - любили пароходы, издалека узнавали их уже по гудкам и силуэтам. Ведь только тому, кого любишь, можно было дать такие нетривиальные имена - гордые ("Ермак", "Николай", "Иртыш", "Основа", "Сибиряк") или ласковые ("Любимец", "Кормилец", "Вьюн", "Дедушка", "Волшебник", "Мельник").

Однако в полную меру использовать речной транспорт не позволяла короткая навигация: Нарым - не Крым... Поэтому основная тяжесть по-прежнему падала на гужевой транспорт. В прямом смысле слова - "тяжесть", ибо за год томские савраски перевозили от 2 до 3 млн пудов (от 32761 до 49141 тонн) клади. До 100000 подвод ежегодно проходило через Томск. Число лошадей в городе превышало число людей. Так что на совершенно законном основании конь занял место в томском гербе - он заработал это право!

Но с начала 1890-х гг. эра больших пароходных и гужевых перевозок закончилась. Суда и лошади оказались вытесненными с рынка более быстрыми, удобными, сильными и дешёвыми паровозами. Правда, с этим транспортом Томску не повезло: Транссибирская магистраль прошла мимо. С великим трудом, обратясь в 1893 г. непосредственно к цесаревичу Николаю, удалось добиться строительства хотя б железнодорожной ветки Томск - Тайга. Иначе город оказался бы вовсе отрезан от главной магистрали страны. Первый железнодорожный состав томичи торжественно встретили 22 июля 1896 г. Тупиковое положение на Транссибирской магистрали стало подножкой Томску в его так удачно начав-

шемся беге вперёд. Коммерческий интерес к городу и его престиж оказались сильно подорванными.

Зато непоколебимым осталось положение городских извозчиков. Техническое усовершенствование городского транспорта и в мире, и в России вызывало некоторое оживление этой сферы и в Томске. Начиная с 1888 г. местные и иногородние предприниматели пытались на концессионных началах организовать в городе регулярное движение омнибусов или конок. Однако ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. Та же участь постигла и все предложения об устройстве в Томске электрического трамвая, которые с 1898 г. во множестве поступали от частных лиц и компаний - местных, российских, зарубежных. Причиной фиаско передовой технической идеи стала неконструктивная позиция городской думы, а проще говоря, её жадность. Только в марте 1914 г. было принято решение об организации в городе рельсового электро-транспорта, но было уже поздно - началась Первая мировая война.

Не наступила пока ещё и эра массового автотранспорта. И вообще, первая попытка его внедрения в Томске закончилась конфузом. Летом 1909 г. предприниматель П.Д. Вержиковский пустил между железнодорожным вокзалом и городом 16-местный автомобиль, ходивший, согласно специальному постановлению думы, со скоростью 13-19 километров в час. Однако в конце года пионер томского городского автотранспорта передал дело А. Швайковскому, который в азарте сначала даже расширил парк до двух единиц. А потом... прогорел. Причиной, как ни странно, стало благоустройство томских улиц: острые камни мостовых не позволяли использовать нежные резиновые колёса автомобиля.

Вид "разутой" автомашины, наверное, тешил взгляд извозчиков. Они, оставаясь монополистами на рынке внутригородских перевозок, не могли не ощущать потенциальной угрозы от бензинового конкурента. Ведь пример победы паровоза был куда как свеж. На рубеже XIX и XX вв., по некоторым данным, гужевым извозом по томским улицам занималось около 1000 чел. Были среди них знаменитости - Пароход, Кандалы, Щёголь, Гнедой, Стрекач, Орало... Их знали все. Были и серые мышки - дешёвые извозчики, готовые ловить пассажиров где угодно. Таких кликали "рыбаками". Пассажиры на извозчицком жаргоне тоже имели про-

звица: ехавших по официально установленной таксе звали “выжига”, нанимавших пролётку по времени - “кукушка”, а сбежавших от оплаты - “лягаш”.

Украшением томских улиц были важные почтальоны в щегольской форме. Но, параллельно с традиционной почтой, уже появились и электрические средства связи: 4 октября 1863 г. в Томск впервые пришла телеграмма, а 20 сентября 1886 г. первая в Сибири телефонная линия связала типографию и книжный магазин П.И. Макушина. В 1893 г. в Томске вступила в строй городская телефонная сеть. Для её создания на улицах было поставлено более тысячи столбов!

А как же быть без телефона, коль Томск стали называть “умственной столицей Сибири”? Конечно, этот титул достаточно претенциозен и от частного употребления очень сильно затёрт, но факт остаётся фактом - Томск во второй половине XIX в. действительно стал центром сибирского образования.

Расширилась сеть начальных и средних школ. К 1860-м гг. в городе уже действовали два начальных приходских и одно уездное училище, мужская гимназия, духовное училище. В указанном десятилетии к ним добавились мужская Владимирская и женская Мариинская начальные гимназии, в следующем - Алексеевское реальное училище. В 1881 г. в Томске работали уже 15 городских начальных школ и среднее реальное училище, через два десятка лет - около 40 начальных школ, в 1912 г. - около 70. Неграмотные взрослые, те же новоприезжие селяне, с 1881 по 1917 г. могли посещать две воскресные школы.

Параллельно развивалось и профессиональное образование. К рубежу XIX и XX вв. оно было представлено духовной семинарией, открытой ещё в 1858 г., казённым и Королёвским ремесленными училищами, женскими повивальной и рукодельной школами. Ещё активнее подобные учебные заведения стали оформляться в первые два десятилетия XX в. Тогда для местной и приезжей молодёжи были открыты: техническое училище и профкурсы при Сибирской железной дороге, коммерческое училище (преобразованное в 1912 г. в первый в Сибири политехникум), акушерско-фельдшерская и две зубоврачебные школы, рисовальные классы, отделение Русского музыкального общества и т. д.

И наконец, Томск стал первым университетским городом в Азиатской России. Всего лишь за 22 года в нём открылись 3 высших учебных заведения: университет (1888 г.), технологический институт (1900 г.) и Высшие женские курсы (1910 г.).

Появление Сибирского университета имело гораздо большие последствия для развития Томска, чем просто открытие вуза. Было бы преувеличением утверждать, что город превратился в “луч света в тёмном царстве”, но приезд преподавателей и учёных европейского уровня и жаждущей знаний молодёжи сразу же превратил его в лидера интеллектуальной и духовной жизни в Сибири. Более того, полвека затем, вплоть до 1930-х гг., когда стараниями новой власти была выпестована столица социалистической Сибири г. Новосибирск, Томск сохранял монополию на высшее образование и научные исследования в регионе. Истоки сегодняшнего научно-образовательного комплекса города, о котором так часто говорят местные власти, находятся именно там - в Сибирском университете XIX столетия. От него впоследствии отпочковалось большинство нынешних вузов Томска. Его Общество естествоиспытателей и врачей, в конце концов, оформилось в нынешний Томский научный центр АМН. Его ученики и сотрудники прославили потом университет в самых различных сферах жизни: лауреат Нобелевской премии Н.Н. Семёнов, министр А.И. Данилов, композитор Э.В. Денисов, поэт В.В. Казанцев, писатель Г.М. Марков, политик и военачальник В.Н. Пепеляев... Наконец, именно научно-образовательный потенциал университета, ставшего к 1930-м гг. по численности третьим в стране после Московского и Ленинградского, спас в те годы Томск от административно-бюрократического затягивания города в трясины провинциальности и второсортности...

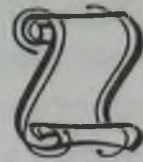
Внимание, которое Томск уделял развитию образования, не могло не иметь благоприятных последствий. Доля грамотных горожан неуклонно росла: в 1880 г. она составляла 37%, в 1897 г. - 49%, в 1917 г. - 67%.

А грамотный человек - это прежде всего читатель. В 1880-х гг. в Томске начался газетный бум. До того горожане могли читать только одно периодическое издание - “Томские губернские ведомости”. Но в июле 1880 г. у них появился выбор, поскольку в свет вышел первый номер

“Томских епархиальных ведомостей”. Ровно через 9 месяцев свет увидело и первое частное издание - основанная П.И. Макушиным “Сибирская газета”. Она распространялась в Сибири по почте и имела уже более 900 подписчиков. А дальше ком покатился: в 1885 г. горожане увидели “Сибирский вестник”; в 1894 г. - опять же макушинский “Томский справочный листок” (три года спустя он был переименован в “Сибирскую жизнь” - самую массовую и авторитетную газету региона в дореволюционное время)... В начале ушедшего столетия в Томске одновременно выходило уже до десятка периодических изданий самых разных направлений: “Бенефисная газета”, “Бубенцы”, “Вестник Сибирской железной дороги”, “Сибирская брачная газета”, “Сибирские отголоски”, “Сибирский коммерсант”, “Сибирский студент”, “Томский вестник”, “Томский театр” и др.

Последнее название выдаёт уже совершенно иной облик томской культуры. В начале же XIX в. это издание ещё не могло появиться хотя бы потому, что никакого театра в Томске не было и в помине. Почти единственной формой раз-

Томск мог бы умереть, но в Томске был университет.

(И.Г. Эренбург. День второй. 1933)

влечения, как и в предыдущие века, оставались народные гулянья. По старинке в них ещё участвовали горожане “всех сословий и состояний”. Каждое праздничное гулянье проводилось в строго определённом месте: в Троицу собирались на Воскресенской горе, помня от предков об основании здесь первого томского собора именно во имя Святой Троицы, в Духов день - на Песках, в Заговенье перед Петровым днём - на Юрточной горе... На площади устраивались качели, балаганы для заезжих фокусников, столы под шатрами с пряниками и орехами. Слух отдыхающих горожан ублажал батальонный оркестр и шарманки, завсегдатаев же питейных заведений удовлетворял и трепак. Для азартных натур организовывалась игра в орлянку на медные гроши либо устраивалось “колесо фортуны”, где выигрышами были пряники разных сортов. Как говорится, главное не победа, а участие. “Всё было живо и весело, и народ с радостными лицами проводил светлый праздник”, - писал современник.

Во второй половине XIX столетия проведение досуга начало приобретать имущественные и сословные признаки - ту самую пресловутую классовость культуры. “Низшие сословия” сначала по-прежнему ходили побиться в кулачных боях или поглазеть на них, но “приличным обществом” такая форма отдыха уже порицалась. А затем “войнишки” исчезли даже на бедных окраинах. С 1896 г. их с успехом заменили цирковые представления - любимая забава народа. Особенно притягательны были схватки борцов, в 1910 г. на томской арене прошёл даже “международный чемпионат французской борьбы”. По уровню комфортности Томский цирк был лучшим за Уралом.

Рядом с цирком около Думского моста в 1911 г. был открыт сад “Эрмитаж”, где на открытых площадках летних ресторанов выступали чтецы, певцы и танцоры, проводились лотереи-аллегри. Сюда любили забредать приказчики, чиновники средней руки, студенты.

У людей состоятельных тоже появилась своя забава, когда открылся ипподром с тотализатором.

А вот томский свет и интеллектуальные круги начали приобщаться к театру. Правда, построенное в 1850 г. здание подолгу пустовало - по причине своей неуютности, отсутствия постоянной труппы и, самое главное,

невостробованности. Городу ремесленников, ямщиков и малограмотных купцов европейская новинка была не нужна. Однако с расширением гастрольной деятельности театральных трупп и ростом культуры горожан, вызванным прежде всего открытием университета, потребность обращения к Мельпомене всё более и более росла. Немалую роль в становлении томского театра сыграл прибывший в 1883 г. губернатор И.И. Красовский - большой поклонник сцены. О методах его руководства театром может поведать такой анекдотический случай. Губернатор распорядился антрепренёру заезжей труппы срочно поставить для томичей "Горе от ума". На возражение, что "в труппе нет актёра на роль Чацкого", Красовский заметил, что это пустяки, и предложил своего чиновника для особых поручений. И премьера, по отзывам, прошла успешно. А в 1885 г. "миллионщик" Е.И. Королёв на собственные деньги построил каменное здание театра. К огромному сожалению, судьба отвела этому красавцу только 20 лет жизни - в междоусобице 1905 г. театр был сожжён.

На каждой реке есть омуты, где, как известно, обретается всякого рода нечистая сила, сиречь мистика. Добрались до такого омута и мы...

Странные, почти мистические совпадения присутствуют в долгой томской истории. Нет необходимости и возможности объяснять их. Можно только кратко отметить.

Кровавый рок революции, преследовавший представителей царствовавшего дома Романовых в XIX-XX вв., почему-то дважды избирал своим орудием томичей. Вместе с А.И. Ульяновым в неудавшемся покушении на Александра III участвовал бывший руководитель кружка самообразования в Томском Алексеевском реальном училище В.С. Осипанов. Он возглавлял группу бомбометальщиков, за что и был казнён в 1887 г. Более удачливым в осуществлении своих намерений удалось стать другому томичу и соратнику уже Ульянова-младшего - Я.М. Юровскому, сначала бедному часовщику, а затем коменданту Дома особого назначения в Екатеринбурге. Он не только организовывал казнь последнего российского монарха и руководил ею, но и сам участвовал в расстреле.

Дважды пересекалась судьба Томска со старинным княжеским родом Ширинских-Шихматовых. Руководителем комиссии "для изучения воп-

роса об избрании города для Сибирского университета”, которая наконец-то решила затянувшийся спор в пользу Томска и тем самым косвенно участвовала в будущем расцвете города, был заместитель министра просвещения А.П. Ширинский-Шихматов. А через полвека томские чекисты расстреляли представителя этого рода, оказавшегося в их городе. Это была чёрная неблагодарность, ибо за 400 лет существования Томска ни одного Ширинского-Шихматова более в нём не было.

Дважды томичи открывали первое заседание главного парламента страны, и оба раза на том основании, что являлись старейшими депутатами. Первый раз это сделал в 1917 г. бывший томский ссыльный С.П. Швецов в Учредительном собрании, второй раз - в 1999 г. бывший секретарь Томского обкома КПСС Е.К Лигачёв в Госдуме России.

Дважды же томички обращались к первому лицу страны с просьбой отправить их на фронт, и оба раза проявили мужество и героизм в боях. М.Л. Бочкарёва, более известная как Манька или Яшка, после письма Николаю II участвовала в боевых действиях Первой мировой войны, получила Георгиевский крест, дослужилась до офицерского звания поручика и должности командира Петроградского женского “батальона смерти”, участвовавшего в обороне Зимнего дворца. М.В. Октябрьская писала Сталину, воевала в составе танкового экипажа против фашистов и посмертно стала Героем Советского Союза.

Омуты таинственны, но, к счастью, невелики. Преодолев их, можно смело плыть далее по реке Времени - тем более, она становится всё шире и спокойнее...

Многими событиями был наполнен XIX в., множество имён вписал он в томскую историю. Но, наверное, первой строкой в этих скрижалях означены Г.С. Батеньков, Г.Н. Потанин и старец Фёдор Кузьмич.

Г.С. Батеньков удивительным образом соединил своей жизнью все главнейшие события страны и Томска в начале XIX столетия.

Началась Отечественная война 1812 г. - и Томск не остался в стороне. Части Томского пехотного полка участвовали в боях под Смоленском и на Бородинском поле. Бились они, судя по всему, отважно. И огромные потери, и награды - порукой тому. А в 1815 г. полк был включён в русский экспедиционный корпус для похода на Францию. В его составе находился и офицер Г.С. Батеньков.

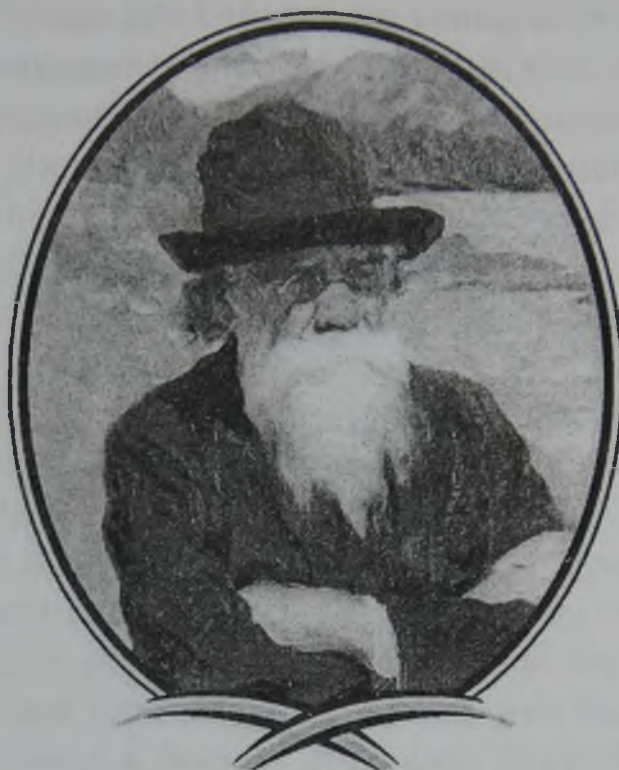
Гавриил Степанович Батеньков (1793-1863).
Литография К. Зеленцова, 1822 г.

Кстати, говоря о той войне, нельзя не вспомнить и об участии в ней томичей в тылу, добровольно собравших значительную сумму на организацию ополчения. Несколько жителей города - купец П.Ф. Шумилов, вице-губернатор М.П. Ломанов, чиновник А.Г. Кротов и др. - в 1814 г. получили за это благодарность самого Александра II.

Появились в России масоны - и в 1818 г. ложа "Восточное Светило" (единственная в Сибири!) открылась в Томске. Среди её основателей и руководителей был и инженер Г.С. Батеньков.

Вышла в 1825 г. дворянская оппозиция русскому монархизму на Сенатскую площадь - и в числе "государственных преступников" оказался томич (единственный декабрист - сибиряк!). Звали его опять же Г.С. Батеньков. 21 год 1 месяц и 18 дней провёл он потом в одиночке Петропавловской крепости, покуда не оказался снова в Томске.

Оппозиционером был и Г.Н. Потанин, с которым связан уже следующий этап томской истории. Он стал инициатором и руководителем нескольких крупных научных экспедиций на Алтай, в Среднюю и Центральную Азию, автором многих трудов в области естественных и гуманитар-

Григорий Николаевич Потанин (1835-1920).

Худ. С.М. Прохоров

ных наук. Он сформулировал идеи сибирского областничества, отстаивавшего особый путь развития Сибири, приоритет для сибиряков интересов прежде всего своего региона и необходимость искреннего и активного служения именно этим интересам. Наконец, он же сумел превратить областничество из идейного направления в мощное общественное движение, которое в начале Гражданской войны сумело даже стать третьей силой рядом с “белыми” и “красными”. Григорий Николаевич был первым руководителем Сибирского правительства и первым из получивших звание “Почётный гражданин Сибири”. Всё это, так сказать, официальные вехи биографии. Намного труднее, а до конца и невозможно выявить опосредованное воздействие Г.Н. Потанина на общественную жизнь Томска. Потрясающая разносторонность его интересов, высокий интеллект, неуёмная энергия и душевные качества привлекали к нему научные, литературные, артистические, художественные силы. “Большой сибирский дедушка”, как называли Григория Николаевича, был не только центром общественной и духовной жизни Томска, но и её идейным вдохновителем и движущей силой. Поэтому не кажется чрезмер-

ным сравнение современников: Г.Н. Потанин для Сибири имеет такое же значение, как Л.Н. Толстой для России.

А вот третий образ томского иконостаса - так называемый старец Фёдор Кузьмич - фигура пустая и потому раздутая до вселенских масштабов хитроумностью самого героя, а ещё более честолюбивыми устремлениями многих его адептов. Последние и породили миф о том, что старец - это император Александр I, отнюдь не почивший в бозе в Таганроге в 1825 г., а лишь умело имитировавший свою кончину и ушедший в мир замаливать грехи. В коротком пересказе события разворачивались так.

В 1836 г. в Красноуфимском уезде Пермской губернии был задержан неизвестный бродяга, назвавшийся Фёдором Кузьмичом. Тогда никто ещё не признавал его за усопшего самодержца, а потому ему попросту высыпали 20 плетей и отправили в Сибирь по этапу. При этом, правда, отметили, что задержанный обладает начитанностью и грамотной речью. Впрочем, по тем временам это не было особым отличием. По России бродило немало богоискателей, вся жизнь которых протекала в чтении, думах и теологических дискуссиях, чей интеллект и знания были не ниже профессорских.

В Сибири "непомнящий своего родопроисхождения с младенчества" странник перебивался случайными заработками и мирским подаянием. Наверняка от так и остался бы безвестным бродягой, если бы не случилось знаменательное событие: в одном из сёл священник вдруг "опознал" в скитальце бывшего самодержца. Правда, батюшка в столице был давно, но это никого не смущало. Церкви всегда нужны чудеса в подтверждение божественного начала всего сущего. А каждый человек, как говорил поэт, "и сам обманываться рад". Ведь любые чудеса - хоть о кладах, хоть о русалках, хоть о воскресших царях - это такой яркий праздник в серости будней! Так что почва для чуда была плодородной, а семена брошены.

И вскоре они начали прорастать. Как по команде, царя стали "узнавать". То бывший казак из охраны императорского дворца, то ссыльный, бывавший прежде в столице, то чиновница... Прямо скажем, свидетели не из первого ряда.

В игру включился и бродяга. Он прекрасно знал пагубные последствия прежних “воскресений” русских царей: и оба Лжедмитрия, выдававшие себя за сына Ивана Грозного, и Пугачёв, присвоивший имя Петра III, закончили жизнь не по своей воле. Зачем же было рисковать? Поэтому Фёдор Кузьмич - судя по всему, тонкий психолог - нигде и никогда не примерял на себя маску августейшей особы. Но якобы нечаянными оговорками, намёками, ссылками на обет молчания при главном вопросе либо ответами в форме многозначительных аллегорий он постоянно подпитывал и укреплял слухи.

Впрочем, старец был далеко не самым активным творцом этого мифа. Больше старались церковь и падакие на таинственные сюжеты литературы. В 1850 г. информация была опубликована архиереем Афанасием и вышла уже на российский уровень. Позже руку к этому приложили томский епископ Пётр (Екатериновский), ректор Томской духовной семинарии Мелентий (Заборовский), обер-прокурор Священного синода К.П. Победоносцев, теологи С.Н. Булгаков, В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев и В.Н. Лосский и многие-многие другие. Как сказано томским исследователем этой проблемы Н.В. Серебренниковым: “...После 16 лет хождения в народной среде легенда прорвалась на страницы столичной печати - сначала собственно легендой, затем фактологически обоснованной версией и, наконец, совершенной апологией царю Александру, ушедшему замаливать в сибирскую тайгу грехи своей духовно несостоятельной жизни”.

А Фёдор Кузьмич, благодаря ажиотажу, поднятому вокруг его имени, обрёл на старости лет пристанище: в 1858 г. томский купец С.Ф. Хромов построил для него келью в своей усадьбе. В ней старец и скончался в 1864 г. Среди верующих людей это всколыхнуло новую волну слухов: одним чудились огненные столбы и вспышки на небе, другим в ночной тиши являлся сам старец... Всё это, разумеется, положили в копилку святости Фёдора Кузьмича.

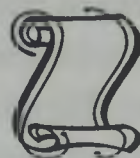
Похоронили его на кладбище при Богородско-Алексеевском монастыре.

Благодетель Фёдора Кузьмича купец Хромов после этого поехал в столицу, чтобы передать вещи усопшего царствующей семье. Но Романовы его не приняли, а от полиции радетель поимел беспокойства.

Двор, кстати говоря, не выражал восторга по поводу отождествления Александра I с сибирским бродягой. Когда Л.Н. Толстой начал писать на этот сюжет "Посмертные записки старца Фёдора Кузьмича, умершего 20 мая 1864 г. в Сибири близ Томска на заимке купца Хромова", великий князь Николай Михайлович познакомил его с фактами, отрицающими абсурдные слухи. Писатель ответил: "Пускай исторически доказана невозможность соединения личности Александра и Кузьмича, легенда остаётся во всей своей красоте и искренности. Я начал было писать на эту тему... но едва ли удосужусь продолжать... А очень жалею. Прелестный образ".

Томская церковь и позже укрепляла ею же созданный миф о Фёдоре Кузьмиче, ведь местные иерархи всегда и везде хотят иметь "своего" святого. В 1903 г. архимандрит Богородско-Алексеевского монастыря Иона поставил над могилой старца каменную часовню (большевиками она была разрушена, в 1998 г. сооружена новая). А как только создались благоприятные условия, останки старца были вскрыты и объявлены мощами, а сам он причислен к лику святых.

...Никаких следов своей жизни старец не оставил и ничем сколько-нибудь заметным, стоящим внимания себя не проявил. В Томске он прожил около 5 лет в такое время, когда тут жили Бакунин, Кузнецов, Ананьин, Потанин и др., интересовавшиеся каждым сколько-нибудь заметным явлением местной жизни, и, однако, они даже и не подозревали существования в Томске Фёдора Кузьмича. И это потому, что сам по себе старец был незаметной, незначительной фигурой... Всё его значение, весь ореол, каким окружили его почитатели, заключался в том, что в старике хотели видеть императора Александра I, и так загнипотизировали и себя, и других этой мыслью, что после смерти старца создали настоящий культ его...

(Адрианов А.В. Томская старина // Город Томск. 1912. С. 18.)

Так родились “красивая легенда” и “прелестный образ”. И, как это часто бывает, сказка оказалась притягательнее жизни. Сегодня для многих Томск ассоциируется прежде всего с образом Фёдора Кузьмича. Наверное, поэтому к юбилею своего города томичи кинулись создавать музей мифическому герою и возводить часовню в его честь. К огромному сожалению, “Великий старец” кажется им более крупной фигурой, чем “Большой сибирский дедушка” и ещё десятки и сотни земляков из прошлого, кто реально создавал нынешний Томск.

...Много и другой косности тащил ещё в своём мировоззрении томич XIX столетия из прошлых времён. Например - суеверие. Построил как-то приезжий мужик себе дом, а местные шутники ночью поставили ему в передний угол метлу, а на трубу - решето. И что же? Испуганный простак решил, что дом заколдован, и не стал переезжать в него, чем немало потешил томских обывателей. Но они же сами в 1887 г. убеждали местного журналиста, что в доме Колотилова по пер. Подгорному живёт кикимора, пугающая жильцов голосами и стуками.

Повсеместно, особенно среди рабочего люда, процветало пьянство. Торговцы кокаином и дешёвой водкой из подпольных шинков поджидали свою клиентуру на берегу Ушайки около Базарного моста и никогда не оставались без барышей. Неподалеку гнезвился и другой общественный порок - проституция. В начале XX в. в Томске было официально зарегистрировано до 20 домов под красными фонарями, в которых клиентов обслуживали от 5 до 20 жриц любви. А.П. Чехов, посетивший томских путан, остался недоволен, о чём немедленно сообщил письмом своему московскому издателю.

Рука об руку с пьянкой и проституцией всегда идёт криминал. Томск не был исключением из общего правила. В отчётах местной полиции присутствует полный набор уголовных преступлений от подделки кредитных билетов, скупки краденого и карточного шулерства до крупных грабежей и зверских убийств. В 1907 г. вооружённые налётчики на перегоне Тайга - Томск сумели даже остановить пассажирский состав и отцепить почтовый вагон с деньгами.

Иначе, чем полиция, смотрели на удачливых воров и разбойников томские обыватели, особенно из низов: восхищались их удалью, завидова-

ли удаче, героизировали поступки, сочиняли легенды. Целый район города - Мухин Бугор - назвали в честь фартового разбойника Мухина. Завидной популярностью пользовался роман о местном уголовном мире "Томские трущобы", выпущенный томским литератором В.В. Курицыным под псевдонимом Не-Крестовский. А в 1870-х гг. гуляли по городу рассказы о местном Робин Гуде по фамилии Лиханов. Один сюжет таков. Этот Лиханов - бывший сирота, воспитанный ямщиком, - грабил на тракте купцов и чиновников, раздавая добычу беднякам. За его голову было обещано 300 руб. И однажды к губернаторскому дому подъехал офицер, предложивший хороший план поимки разбойника. Хозяин дома, как и было обещано, выдал офицеру объявленную сумму. А тот, выйдя во двор и вскочив на коня, крикнул вышедшему на балкон губернатору: "Я и есть Лиханов" - и с глаз долой.

Но многое уже менялось не только в архитектуре или хозяйстве города, но и в самих томичах. Уходили в прошлое косность, грубость, жестокость, неуёмная жадность, чем так невыгодно отличались отцы и деды. Ещё в середине XIX в. Г.С. Батеньков раздражённо писал: "...мне сильно здесь надоела жадность к деньгам простого народа, оставляющего всякое дело в стороне и погубившего в себе все нравственные начала... Не разбросав денег, здесь нельзя ничего делать. Общим правилом стало: захватить их вперёд и придумывать, как избавиться от обязанности". Но уже через два-три десятилетия томичи на собственные средства строят больницы, богадельни, сиротские дома, жертвуют огромные средства на университет, проявляют сострадание к убогим и неимущим...

Всего за столетие Томск превратился из провинциального феодального городишка купцов, ремесленников и крестьян в крупный город Российской империи, столицу большой губернии, экономический, культурный и научный центр Западной Сибири.

Вот и доплыли мы до того места, где река наконец-то показала всю свою мощь и красу. При большой глубине она всегда течёт медленно. Да и зачем спешить? Не увидят тогда люди на челне, что отправились в путешествие по реке Памяти, ни ладных пятистенков по берегам, ни тучных стад на высокотравных пастбищах, ни водяных мельниц на устьях приточных ре-

чушек. Не услышат в вечерней тиши далёкого звона церковного колокола, который напоминает: “Люди, в сытости и неге не забывают о бренности жизни!” И верно: недобро заалел закат, а из-за ближнего поворота начинает доноситься слишком уж громкий шум воды, как будто русло там сузилось или пресеклось валунами. Господи, пронеси...

Последним днём российской монархии стало 27 февраля 1917 г. Петроград бурлил. Томск ничего не знал. Новости долетели на следующий день по телеграфным проводам - революционеры делились радостью со ссыльными соратниками по партии, железнодорожное начальство оповещало об изменениях своё ведомство. Только 1 марта в город поступила официальная телеграмма о передаче власти в стране Временному комитету Государственной думы.

Начался смутный период многовластия и безвластия. Рулить страной хотелось многим. Уже 2 марта в Томске был создан Временный комитет общественного порядка и безопасности. По составу он был многопартийным. Социалисты - большевики, меньшевики, эсеры, стремившиеся к собственному самодержавию, согласиться с таким плюрализмом, конечно же, не могли, и уже через 3 дня создали Совет солдатских депутатов. Новый орган власти тут же постановил: отменить единоначалие, титулование офицеров и отдание чести вне службы; упразднить институт денщиков; отпустить часть солдат на весенние полевые работы. Ура! В скором времени, 29 марта, возник и Совет рабочих депутатов. Эсеры в апреле начали формировать в городе и губернии народные собрания разных уровней. Со временем и советы, и собрания тоже стали требовать власти.

Томичи спорили до хрипоты: кто-то надеялся на возвращение царя-батюшки, кто-то связывал будущее с советами, большинство ждали созыва Учредительного собрания. В конце июля - начале августа Томский Совет солдатских депутатов заявил о недоверии Временному правительству. Следом его комиссары установили полный контроль над оружейными складами и милицией, а 19 сентября Совет солдатских и Совет рабочих депутатов Томска объединились под началом большевиков.

25 октября 1917 г. вооружённым путём Временное правительство было низложено, и большевистский Военно-революционный комитет Петрог-

радского Совета рабочих и солдатских депутатов заявил о передаче власти новому органу - Совету народных комиссаров во главе с В.И. Лениным. Началось формирование властных структур большевиков на местах.

В Томске, в отличие от многих других городов России, в ревком вместе с большевиками вошли представители других партий и объединений - социалисты-революционеры, бундовцы и т. д. Это было вынужденной мерой. Популярность большевиков в городе ограничивалась солдатскими казармами, железнодорожными депо и некоторыми фабриками. Основная часть жителей вовсе не разделяла программных установок большевистской партии и была шокирована её нахрапистостью на пути к власти. К тому же Томск к концу 1917 г. стал центром сибирского областничества.

Слабость ленинской партии в городе в полной мере подтвердили выборы в Учредительное собрание 12-13 ноября. Они показали, что в Томске за большевиками согласны идти 23% жителей, а в губернии и вовсе лишь 8%. Среди депутатов Учредительного собрания, кому жители Томского избирательного округа доверили решать судьбу страны, а значит, и их собственные судьбы, не было ни одного ленинца.

Знаменательной и трагической для Томска датой стало 6 декабря. В этот день аморфное брожение и идейные противоречия приняли форму организованного противостояния. С одной стороны, местные большевики объявили о новом органе власти - исполнительном комитете Томского Совета рабочих и солдатских депутатов с А.И. Беленцом во главе. С другой - противники коммунистов открыли чрезвычайный областнический съезд. Они единодушно отказались признать советскую власть, провозгласили независимую Сибирскую республику и до созыва Учредительного собрания сформировали Временный Сибирский областной совет под руководством Г.Н. Потанина. И те и другие принялись создавать свои вооружённые отряды.

И на этот раз поддержка коммунистов томичами была настолько минимальной, что тем снова пришлось делиться властью. Уже 30 декабря А.И. Беленец вынужден был в качестве высшего исполнительного органа сформировать губернский комиссариат из четырёх человек, где поровну были представлены большевики и эсеры.

Всё изменилось 6 января 1918 г., когда столичные большевики разогнали всенародно избранный парламент - Учредительное собрание и расстреляли демонстрацию в его поддержку. Через неделю, 13 января прибывший из Санкт-Петербурга верный ленинец Н.Н. Яковлев направил действия по тому же сценарию, но уже на провинциальной сцене и разрулил ситуацию в Томске по-большевистски просто - коалиционный губернский комиссариат разогнали, власть вновь перешла к Совету рабочих и солдатских депутатов.

Главной задачей совдепа стало уничтожение или нейтрализация претендентов. Ведь приближалось 2 февраля 1918 г. - дата открытия областной думы, которая тоже намеревалась взять бразды правления в свои руки. Большевики сработали на упреждение и в ночь на 26 января разогнали думу, арестовав часть её руководства. Сумевшие скрыться организовали подпольное Временное правительство Автономной Сибири во главе с П.Я. Дербером.

В начале марта 1918 г. единственным легальным (но, выражаясь современным языком, нелегитимным) органом власти на томской земле был провозглашён губернский исполнительный комитет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Большевики понимали, что удержать власть они смогут только таким же образом, как и захватили, - силой. Поэтому они ускорили формирование своих вооружённых сил. В апреле в Томске "1-й Сибирский отряд Красной армии" насчитывал уже более 600 чел. Ещё полтысячи штыков большевики набрали в местном концлагере военнопленных.

Не дремали и противники советов. Усиленно формировали собственные вооружённые силы социалисты-революционеры, областники, офицеры. Сначала их объединённый штаб находился в Томске, затем передислоцировался в Новониколаевск. К маю 1918 г. под антисоветские знамёна готовы были встать около 3000 жителей губернии. Начались вооружённые стычки.

Началом крупномасштабных боевых действий стал мятеж пленных чехов и словаков. Ещё в 1916 г. из них сформировали корпус для войны против Германии, но после событий 1917 г. и подписания Брестского мира эта идея умерла. Советским правительством было принято реше-

ние разоружить экс-военнопленных и экс-легионеров и отправить их домой: до Владивостока железной дорогой, а далее - водой. Однако выпускать из рук оружие в охваченной гражданской войной стране репатрианты не захотели и взбунтовались. Это произошло в тот момент, когда их эшелоны растянулись вдоль всей Транссибирской магистрали. Такая позиция оказалась тактически безупречной для быстрого и эффективного наступления. В конце мая чехи и словаки с примкнувшими к ним антисоветскими силами в течение нескольких дней взяли Мариинск, Новониколаевск, Тайгу. Большевики Томска оказались в блокаде.

Оживились их противники и в губернском городе. Через два дня после выступления чехов, 27 мая, на подпольном заседании Западно-Сибирского эмиссариата Временного Сибирского правительства было принято решение о вооружённом восстании. Однако дело чуть было не расстроилось. Через 2 дня совершенно случайно во время конспиративного заседания была арестована верхушка сибирского комитета правых социалистов-революционеров. Одновременно в руки красногвардейцев

На руках казнённого имеются железные кандалы, в которых он был расстрелян и сброшен в реку. Нижняя часть лица распухла и носит следы ударов: оказалось, что нижняя челюсть выбита. На левой стороне лица, немного ниже глаза, колотая рана, очевидно штыковая. Вся голова помята... Глаз нет.

(О трупе И.П. Иванова - солдата 38-го Сибирского стрелкового полка, члена Партии социалистов-революционеров // Сибирская жизнь. Июнь 1918 г.)

попали и несколько членов тайной офицерской организации... И жестокость гражданской войны сказалась в полной мере - после изуверских истязаний арестованные были расстреляны и сброшены в реку. Томь, породившая и вскормившая город, была осквернена своими неблагодарными детьми - превращена в могилу.

Несмотря на арест руководителей антибольшевистского подполья, на рассвете 29 мая штаб Красной гвардии, губисполком и тюрьма были всё же атакованы. По железной дороге к Томску двигались чехословацкие части. И утром 31 мая красные из Томска бежали. Бросив оружие, многих партийных, советских, профсоюзных работников, своих единомышленников...

Как говорил незабвенный опереточный персонаж: "Всё, скидывай сапоги! Власть переменилась". Город сменил красный флаг большевиков на бело-зелёное полотнище областников. Отшумели народные гулянья, праздничные манифестации и крестные ходы по поводу "избавления от совдепии". Вернули конфискованное имущество прежним хозяевам. Сформировали новые органы гражданского управления и самоуправления: для Сибири - конфликтовавшие меж собой Временное Сибирское правительство во главе с П.В. Вологодским (в Омске) и Сибирскую областную думу (в Томске); для Томска - городскую думу. Провозгласили государственную независимость Сибири. Пришла пора побеждённым "скидывать сапоги"...

В июне в томских тюрьмах содержалось уже 1485 сторонников советской власти. Через полмесяца, правда, почти половину из них освободили, остался 851 чел. И вновь покрасневшая от крови, как от стыда, Томь становилась могилой - теперь уже для других своих детей. В марте 1919 г. белая контрразведка арестовала группу большевиков-подпольщиков. Перед расстрелом у М. Солдатова отрубили полступни, у Ф. Соколова срезали кожу со спины, И. Григорьеву повредили позвоночник, а Я. Бредис и К. Ильмер умерли под пытками...

Подавляющее большинство томичей по-прежнему было настроено антисоветски и по мере сил помогало Белому движению. Студенты шли добровольцами на фронт. Интеллигенция устраивала благотворительные акции в поддержку белого движения. Предприниматели жертвовали

ли средства. Например, известный просветитель П.И. Макушин дал разрешение на размещение в только что отстроенном им Доме науки Академии российского Генштаба и пожертвовал 50 000 руб. на вагон-баню для колчаковских солдат.

Томск, как мог, пытался наладить сносную жизнь. Хотя сделать это в условиях военного времени, понятное дело, было непросто. Немаловажным осложнением для того был резкий рост населения. Большое количество беженцев из советской России и расквартированные в городе военные всего за полтора года увеличили число томичей вдвое - со 101 000 чел. в 1917 г. до 211 000 чел. в 1919 г.

Впрочем, в жизни не бывает минуса без плюса - и наоборот. Наплыв эвакуированных для образования и культуры Томска стал даже благом, поскольку здесь оказалось немало представителей интеллектуальной элиты. Например, бегство учёных, вузовских преподавателей и студентов из Петрограда, Казани, Перми и других городов "красной" России позволило резко оживить образовательный процесс в городе и даже наладить работу на только что открытом в местном университете историко-филологическом факультете. Были созданы и до восстановления советской власти плодотворно действовали Институт исследования Сибири и Технико-консультационное бюро. Учёные ездили в экспедиции, художники устраивали вернисажи, поклонники Мельпомены имели на выбор несколько театров, любители искусства разрывались между гастрольными выступлениями знаменитостей - от диспутов и выставки "отца русского футуризма" Д.Д. Бурлюка до лекций скульптора И.Д. Шадра и концертов скрипача И.Ф. Черкасова.

А дети, опять же благодаря появлению столичных педагогов, были организованы в самую крупную в Сибири скаутскую дружину в полтысячи человек. Летом 1919 г. перед Троицким собором прошёл последний парад томских скаутов. Гордо маршируя, они, к счастью, ещё не знали своей судьбы: кому-то из них предстояло уехать на чужбину, кому-то через десяток лет - сгинуть в советских лагерях (движение скаутов будет объявлено "белогвардейским").

И всё же это была не мирная жизнь. Пусты были полки лавок и магазинов, поэтому использовалось и донашивалось купленное ещё в царс-

кие времена. Среди множества мастерских, открытых в это время томскими умельцами, была даже мастерская по восстановлению перегоревших электрических лампочек! Отвратительно работал транспорт, линии которого были перерезаны фронтами. Почта и телеграф соединяли лишь те территории, которые не контролировались советами. Зверствовали уголовники и дезертиры. Всех без различия пола, возраста, национальности и классовых различий косил тиф.

Жизнь превратилась в бесконечный стресс. Люди были разобщены, напуганы. Всем хотелось уйти от кошмарной действительности, но путь каждый выбирал сам, сообразуясь со своим жизненным опытом и культурным уровнем. Одни погружались в беспробудное пьянство. Другие искали возможности убежать из уродливой действительности в красивый мир сказки, в иллюзию мирной жизни. Поэтому в Томске в то время с невиданным успехом проходили сеансы "электротеатров". Репертуар различался по названиям от фарса "Ах, что за ночь то была!" до детективной драмы "Шайка туза пик", но был однообразен по низкопробности. Третьи шли в церковь. А разуверившиеся даже в боге впадали в мистику. Поэтому около "Гранд-отеля", где в 1918 г. ясновидящая девочка Оля Зубарева давала ежедневные сеансы, собирались очереди страждущих узнать судьбу своих близких и свою собственную.

Трудно сегодня сказать, что вещали испуганным томичам хитроумные медиаторы несчастного ребёнка, но и без потусторонних сил уже было видно поражение белых сил. Если летом 1918 г. положительное отношение к Временному Сибирскому правительству высказали 64% сельского населения губернии, нейтральное - 23% и отрицательное - только 13%, то через год ситуация кардинально изменилась. Принудительная мобилизация на фронт, возобновление налогов, преследование за самовольный захват земель и вырубку лесов - эти и подобные меры правительства делали власть всё менее и менее привлекательной в глазах крестьянских и рабочих масс. Пропорционально этому росла притягательность советов - у нас ведь всегда больше верят тому, кто в оппозиции, а не во власти. Тем более неугомонные большевистские агитаторы обещали рай земной. Глухое роптание постепенно вылилось в вооружённые выступления.

Военный переворот 18 ноября 1918 г., низложивший Временное Сибирское правительство и провозгласивший Верховным правителем России А.В. Колчака, кардинально ситуацию не изменил. Власть перешла в руки военных, которые могут говорить только на одном языке - языке силы. А каждое действие, как известно, рождает противодействие. Ограничение гражданских свобод вызвало акты неповиновения, формирование органов сыска - подполье, принудительная мобилизация - дезертиров, карательные рейды - партизанские отряды...

Всё это вкупе с вступившими в конце ноября 1919 г. на территорию Томской губернии регулярными частями Красной армии вызвало крах Белого движения, лишившегося к той поре поддержки подавляющего большинства населения. И 20 декабря в город пришли красные. Война покатила на восток. Начался советский период истории Томска.

Можно сказать, что в тех условиях Томску ещё повезло. Через него не прошла линия фронта, и он не подвергся разрушению. В 1918 г. красные, а на следующий год белые сдали город без боя.

Гражданская война ещё не закончилась, и она диктовала свой стиль общественно-политической жизни - быстрый, энергичный, бескомпромиссный. Уже 25 декабря в Томске был сформирован новый орган власти - губернский революционный комитет. Первоочередной его задачей стало создание чрезвычайных комиссий - по борьбе с контрреволюцией, с тифом ("Чекатиф" и "Чекатруп"). Руководство всеми сферами городской жизни передавалось комиссарам. Активно протекал процесс партийного строительства - коммунистического, разумеется, ибо все прочие партии отныне были запрещены. Достаточно скоро хозяином положения в городе стала именно партийная верхушка; созданный весной 1920 г. горсовет, состоявший сплошь из коммунистов, просто не мог проводить самостоятельную политику.

Вновь был выброшен старый, но всегда актуальный лозунг: "Скидывай сапоги! Власть переменилась". Вчерашние заключённые и тюремщики менялись местами. Начались аресты, сведение старых счётов. Томская губчека только за первые 9 месяцев 1920 г. за "контрреволюционную деятельность" посадила за решётку 4087 чел. и только за первую половину 1921 г. расширила свой штат с 50 до 194 чел.

Работала и милиция. Война всегда даёт всплеск преступности, поэтому сидеть без дела не приходилось. Уголовники, сбившиеся в вооруженные шайки, действовали дерзко. На многих из них “висели” военные преступления, так что терять им было нечего. Но потихоньку и их стали прибирать к рукам. В 1922 г. были арестованы Семёнов (“Ганька-цыган”) и некто Отиркин, возглавлявший банду в 60 чел. В 1924 г. уголовному миру Томска опять не повезло дважды: сначала попалась банда Миронова, а потом - и “кошеvníки” Чарнецкого... И всё же голод и репрессии постоянно подпитывали уголовную среду всё новыми и новыми рекрутами. Такие герои криминального Томска, как вор Никита Лысый или содержательница притона и борделя Марфа Баканас, были не только головной болью местных милиционеров, но и образцом для подражания городской шпане.

Положение в Томске было катастрофическим. Промышленность, городское хозяйство, транспорт, связь - всё лежало в руинах, поскольку ни денег, ни управленческого опыта, ни желания заниматься хозяйственными вопросами у новой власти не было. Её представители, всю жизнь потратившие на политическую борьбу и партийные междоусобицы, ничем иным заниматься не умели. Нельзя же признать вкладом в развитие города оперативное (уже в 1920 г.) переименование ул. Большой Садовой в пр. Тимирязева, ул. Почтамтской - в пр. Ленина, а ул. Миллионной - в пр. Коммунистический.

Однако самыми главными потерями, понесёнными Томском за две войны и революцию, были человеческие. Боевые действия, белый и красный террор, тифозные эпидемии собрали обильный урожай с томской земли. Даже после окончания войны ещё несколько лет число умерших в городе превышало число новорожденных. Неудивительно, что томичей становилось всё меньше и меньше: если в 1917 г. их было 101000 чел., то в 1920 г. стало 90900 чел., а к 1923 г. и вовсе осталось лишь 75680 чел. За 6 лет исчезла четверть жителей.

Начавшаяся политика военного коммунизма с его примитивным принципом “взять и поделить” добивала страну быстрее, чем предыдущие катаклизмы. Это вынудило большевиков весной 1921 г. поступиться принципами и объявить о переходе к новой экономической политике (нэп) -

в подконтрольных размерах разрешить рыночные отношения, предпринимательскую деятельность и частную собственность. Томск, в котором традиции торговли и кустарничества всегда были сильны, отреагировал на это оперативно. Улицы запестрели вывесками магазинов, лавок и мастерских, на базаре тут же появились продукты и товары, которые ещё вчера были спрятаны от продотрядов. Уже к 1923 г. в Томске действовали 837 торговых заведений (80% из них были частными), а к концу десятилетия возродились все семь существовавших до революции базаров. Не так споро, но вслед за производством и торговлей изменения к лучшему проявились и в образовании, здравоохранении, культуре.

Вторая половина 1920-х гг. прошла в ожесточённой борьбе внутри руководства компартии по поводу дальнейшего пути экономического и социального развития страны. Сталинская стратегия индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства победила только к концу десятилетия. А до той поры экономика худо-бедно, но успела встать на ноги. Исчезали страшные следы послевоенной разрухи. Начала налаживаться жизнь людей.

Если о здоровом развитии страны свидетельствует демографический показатель, то статистика Томска только подтверждает стабилизацию второй половины 1920-х гг. Именно в это время город, выкарабкавшись из демографической ямы начала десятилетия, стал энергично и неуклонно расти: в 1927 г. в нём проживало свыше 91 000 чел, в 1929 г. уже 101 000 чел. - столько же, сколько было до начала братоубийственной войны в 1917 г. Правда, темпы роста города были ниже, чем у соседей. К середине десятилетия по численности населения он откатился уже на 3-е место после Омска и Новосибирска, а к концу пропустил вперёд и Сталинск (ныне Новокузнецк).

1930-е гг. начались под лозунгами скорейшего построения социализма путём индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства. С этими задачами механизм новой экономической политики, позволивший восстановить народное хозяйство страны, справиться уже не мог, поскольку был лишён главного своего мотора - частной собственности. На смену пришла планово-административная экономика. Началась эпоха великих строек, глобального переустройства дерев-

ни и массового уничтожения несогласных и сомневающихся в выбранном курсе.

Важнейшей составляющей первых советских пятилеток стало создание угольно-металлургической базы в восточной части страны - Урало-Кузнецкого комбината. Соединение дешёвого коксующегося угля Кузбасса и металлургической промышленности Урала стало главной государственной задачей для сибиряков. Для её выполнения всем были расписаны свои роли, каждому отведено своё место. Томску велено было стать центром научных исследований и подготовки кадров, а территории нынешней области - сырьевым и топливным придатком великой стройки. Не более того. А поскольку образование и наука у нас всегда финансировались по остаточному принципу, основные денежные потоки, как сейчас любят выражаться экономисты, потекли из Москвы через Новосибирск в Кузбасс. Томск остался в стороне от этой живительной реки. Диспропорция капиталовложений в развитие городов была просто потрясающей. Например, в 1939 г. на всё коммунальное хозяйство Томска и на строительство одного железнодорожного вокзала в Новосибирске были отпущены одинаковые суммы.

Город не только дискриминировали в инвестициях, из него даже вывозили необходимое. Полновластный хозяин Сибири тех лет Р.И. Эйхе признавал: "Мы отбираем у местных организаций стройматериалы, фактически ликвидировали, закрыли ряд строителей на местах для того, чтобы снабдить Комбайнстрой, Кузнецкстрой, новое железнодорожное строительство". Увозили не только стройматериалы, но и "золотой запас" города - научно-образовательный потенциал: в 1931 г. из Томска в Сталинск перевели Сибирский институт чёрных металлов в составе 22 преподавателей и 378 студентов. Сейчас это знаменитый на всю страну вуз.

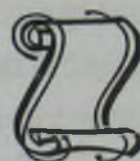
Удельный вес города в промышленном производстве Западно-Сибирского края сократился по сравнению с дореволюционным временем почти втрое. Упало его транспортное значение. Дышала на ладан социальная инфраструктура. Значительно понизился по сравнению с другими городами региона жизненный уровень томичей. Замедлились темпы роста населения: в 1939 г. в городе проживало только 145100 чел. Томск утра-

тил возможности экономического и культурного развития.

Атмосфера всеобщего распада не могла не коснуться даже внешнего вида города. Как больной человек перестаёт следить за своей внешностью, так и Томск уже не обращал внимания на утрату ещё недавно присущих ему лоска и щегольства. Купеческие особняки, переданные под государственные учреждения или жилой фонд, при пустой городской казне, то бишь без должного ухода, ветшали и приобретали одинаковый уныло-обшарпанный вид. Культовые здания, всегда служившие украшением города, закрывались, сносились, перепрофилировались под хозяйственные нужды и перестраивались. В первую очередь их лишали крестов, куполов и колоколов - и Томск как будто втягивал голову в плечи, сутулился, становился меньше ростом.

В 1929 г. была закрыта и передана сначала под клуб, а немного позже под макаронную фабрику Богоявленская церковь на Песках. Годом позже пришёл черёд и самого главного, самого монументального собора города - Троицкого. Он получил высшую меру наказания - снести! К 1934 г. приговор был

Томск был беден, запущен. Заборы разобрали на топливо: тротуаров не было. Люди побойчее уехали в Новосибирск, в Кузнецк... Чай пили без сахара. В буфете продавали Славянскую воду и картонные коробки для конфет... В Томске хлеб походил на глину; я вспомнил двадцатый год.

(И.Г. Эренбург. "Люди, годы, жизнь")

приведён в исполнение, и лишь пустырь на некогда площади Новособорной, а потом Революции напоминал о былом величии этого места. В том же 1930 г. “вышку” получил и колокол Воскресенской церкви - его отправили на переплавку. Это был самый крупный томский колокол высотой и диаметром по 3 метра и весом 1005 пудов 30 фунтов (16 тонн 475 килограммов). Звук от него, как рассказывали, слышен был по округе до 40 километров. Колокол был подарен приходу томичом А.А. Васильевым в 1897 г. Известно, что тогда от железнодорожной станции до храма его везли на специально построенных прочных санях, которые волокли 45 лошадей и большая толпа народа. А вот как томскую достопримечательность тащили на эшафот, сведений не сохранилось.

К 1936 г. для верующих томичей оставили менее половины культовых зданий - одиннадцать: 7 православных храмов, костёл, синагогу, мечеть и молитвенный дом. Четырнадцать были уже закрыты, а пять из них стёрты с лица земли.

Как и на храмы, приговоры обильно сыпались и на людей. С самых первых месяцев установления советской власти Томск, как и вся Сибирь, стал активно использоваться для ссылки неугодных большевистскому режиму. Причём процесс этот год от года нарастал. Бывшие белогвардейцы, эсеры, меньшевики, троцкисты, раскулаченные землепашцы, поляки, западные украинцы и белорусы, прибалты, немцы... Томск опять стал служить перевалочной базой, но теперь он пропускал через себя уже не монгольский чай или китайский щёлк, а рабов, “ясырь социализма”. Сюда в подконвойных эшелонах прибывали и прибывали десятки тысяч людей, чтобы уже на баржах отправиться далее на север. Коекого задерживали в городе. И уж совсем счастливых, вроде знаменитого драматурга Н.Р. Эрдмана, отпускали потом из Томска домой. Немало и приезжих, и томичей стали заключённого исправительно-трудового лагеря, находившегося на месте нынешнего Северска, или Томско-Асиновского лагеря (Томасинлага), действовавшего в 1937-1940 гг.

Из всех причин, которые низвели ещё недавно процветавший и сильный Томск до положения уездного городка, немаловажной была и утрата им своего высокого административного статуса. Сразу после Февральской революции в России началась долголетняя административно-тер-

риториальная чехарда. Она, естественно, не могла не коснуться Томской губернии - одной из самых крупных в стране. В 1917-1921 гг. в пользу Омской области и вновь сформированных Алтайской и Новониколаевской губерний от неё отрезали самые плодородные земли Алтая и промышленно развитые районы Кузбасса. А в 1925 г. была отменена губернская система, и прожившая 121 год Томская губерния умерла. Постаревший и негодный новым властям "купеческий и обывательский" Томск почти на два десятка лет перешёл под юрисдикцию молодого "пролетарского" Новосибирска. Всяко назывались в те годы административно-территориальные новообразования - Сибирский край (1925-1930 гг.), Западно-Сибирский край (1930-1937 гг.), Новосибирская область, - но во всех Томск занимал подчинённое место.

...А в 1939 г. в Томске случилось чудо - Анна Иванова родила 4 мальчиков-близнецов. Старухи шушукались: "Парнишки-то не к миру рождаются, к войне...". Как в воду глядели. Через 2 года она и нагрнула.

Уже 26 июня 1941 г. из города ушёл первый эшелон на передовую. И позже жители томской земли уезжали на фронт в составе 166-й и 366-й стрелковых, 79-й гвардейской дивизий, 48-го артполка 150-й Сибирской добровольческой дивизии... По приблизительным подсчётам, за 1941-1945 гг. из Томска и районов, вошедших впоследствии в Томскую область, в воинских эшелонах уехали около 129000 чел. Многие - навсегда.

Однако порожняков не было. Навстречу вагонам с мобилизованными двигались вагоны с эвакуированными. Уже к декабрю 1941 г. в Томск прибыло 30 заводов, а всего за те страшные четыре года в городе разместились примерно 40 промышленных предприятий, 15 учреждений, 16 научно-исследовательских институтов и учебных заведений, около двух десятков госпиталей. Надо отметить, что именно эвакуированные заводы и фабрики стали основой промышленного развития Томска в послевоенное время. Не будь их, город со своим весовым заводиком да махорочной фабрикой так и остался бы в экономическом захолустье, где он прозябал в двадцатые - тридцатые.

Томичи спасли не только какую-то долю экономического потенциала страны, но и немало культурных ценностей. Например, все военные годы

в главном корпусе университета хранились рукописное наследие и личные вещи М. Горького, С.А. Есенина, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого. Три года работал в Томске 1-й Белорусский государственный драматический театр им. Я. Купалы.

И уж, конечно, город стал прибежищем для опалённых войной людей: 50 000 эвакуированных дал он приют, хотя сам перед войной насчитывал только около 150 000 жителей.

Состав томичей менялся не только количественно, но и качественно. Во-первых, по вполне понятным причинам появилась диспропорция мужского и женского населения в пользу последнего. Во-вторых, иным стало и соотношение возрастных групп: доля детей и стариков увеличилась за счёт уменьшения групп населения молодого и среднего возраста. В-третьих, другие краски легли на социальную палитру города. К маю 1942 г., несмотря на мобилизацию, в Томске в 5 раз увеличилось число промышленных рабочих. Резко подскочило количество военных: расширились штаты военного комиссариата, в городе разместились несколько эвакуированных военных училищ. Заметно больше стало медицинского персонала и больных: за годы войны почти в 20 эвакогоспиталях было развёрнуто более 10 000 коек, через которые прошли свыше 100 000 раненых.

Приезжих томичей - раненых и эвакуированных - за годы войны в Томске побывало столько же, сколько было довоенных жителей.

О Томске в годы войны рассказано уже много, и вряд ли стоит повторяться. Город учился, лечил, отправлял мобилизованных, получал похоронки - и работал, работал, работал...

Томичи вместе со всем народом переживали все невзгоды военного времени. С июля 1941 г. у них на 50-100% был увеличен подоходный налог, а с начала 1942 г. введён дополнительный военный налог. С 1 сентября 1941 г. в Томске продукты питания стали распределять по карточкам. Появилась масса бытовых проблем, поскольку снабжение, санитарное состояние и коммунально-бытовое обслуживание в городе резко ухудшились.

Несмотря на тяжесть жизни, горожане участвовали в многочисленных патриотических акциях в поддержку фронта - обеспечении дровами и

углем учебных и медицинских учреждений, разгрузке оборудования эвакуированных предприятий, шефстве над госпиталями и т.п. Одной из самых распространённых форм этого движения был сбор материальных ценностей в Фонд обороны, одежды и питания для фронта. За годы войны из Томска на адреса полевых почт ушло более 174 000 единиц тёплых вещей и свыше 100 000 продуктовых подарков.

Всё это было не напрасно. Наступил долгожданный миг, когда уроженец томской земли полковник Ф.М. Зинченко вручил М.В. Кантария и М.А. Егорову красное знамя с приказом водрузить его над рейхстагом, а сам принял должность коменданта этой канцелярии. Всё, война закончилась.

Но до этого, ещё во время войны, произошло очень важное для Томска событие: 13 августа 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был образован новый административный субъект страны - Томская область с центром в г. Томске. В неё вошли 20 районов Новосибирской области и 1 район Кемеровской области. После многих лет Томск вновь уходил в самостоятельное плавание по административно-территориальному морю страны. Это давало надежду на перемены к лучшему.

Такое совпадение - окончание войны и образование области - принесло для Томска дополнительные сложности. Дело в том, что в экономическом отношении первые 2-3 года после победы оказались не менее тяжёлыми, чем военное четырёхлетие. Многие предприятия города были переведены с военной продукции на мирную. Это был болезненный и нескорый процесс, он требовал нового оборудования, иной организации технологических процессов, других специалистов. Обострилась проблема квалифицированных кадров. Это может показаться странным, если учесть, что в 1946 г. численность жителей города увеличилась до 178 000 чел. против примерно 150 000 чел. довоенных томичей. Дело, однако же, в том, что этот скачок произошёл в значительной степени за счёт колхозников, сумевших выскользнуть из голодной деревни, - чаще это были демобилизованные фронтовики. Конечно, ни опыта, ни квалификации для работы в промышленности они не имели. Наоборот, рабочие-фронтовики с довоенным стажем частью погибли в боях, частью утратили профессиональные навыки, а эвакуированные специалисты вер-

нулись из Томска домой. Оборудование, не заменявшееся с 1930-х гг., физически и морально устарело. От темпов и ритмов военного времени безмерно устали и люди. Производительность труда в эти годы в области продолжала падать.

И в таких условиях нужно было перестраивать хозяйство новой административной единицы на иные организационные начала, создавать новые управленческие структуры - областной комитет ВКП(б), исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся...

В определённой степени переломными стали 1950-е - первая половина 1960-х гг. В Томске, как и во всей области, в это время начался достаточно долгий, сорокалетний этап обновления и относительного благополучия. Город, как незаслуженно дисквалифицированный, а затем вновь выпущенный на дорожку бегун, начал навёрстывать упущенное, доказывая всем и самому себе свои недюжинные способности.

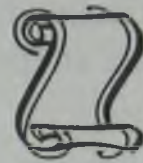
Определённый толчок для социального и экономического развития и страны, и Томска последовательно дали такие крупные события, как смерть Сталина в 1953 г., XX (1956 г.) и XXII (1961 г.) съезды КПСС, попытки реформирования Н.С. Хрущёвым экономической структуры страны в начале 1960-х гг. Командно-бюрократические методы управления, сформировавшиеся в предвоенные годы и особенно укрепившиеся во время войны, в полной мере продемонстрировал свою несостоятельность и требовал срочной замены. Вездесущий и жёсткий контроль репрессивных органов хромовыми чекистскими сапогами затапывал всякую работу мысли, всякую инициативу, а вместе с ними - и возможности хоть какого-то движения вперёд. Попыткой перемен в сфере экономических отношений и управления стали ликвидация большого количества союзных министерств и ведомств и формирование территориальной системы управления в виде советов народного хозяйства.

В середине 1957 г. был создан совнархоз Томского экономического административного района во главе с бывшим заместителем министра лесной промышленности Н.С. Гридиным. Он включал в себя 10 функциональных отделов и 6 отраслевых управлений. Народ, вконец разуверившийся в желании власти хоть немного облегчить его положение, встретил это партийно-советское начинание циничным смехом и частушками.

Правда, зубоскалили не все. Экономисты, социологи, отраслевые специалисты-хозяйственники пытались разобраться в новой экономической модели, определить её сильные и слабые места, наметить перспективы...

Поначалу разрушение межведомственных барьеров было на руку городской и областной экономике, поскольку появились возможности кооперации местных предприятий, разделённых раньше межминистерскими границами. Это давало подчас неожиданные варианты и весьма позитивные результаты. Но со временем стала очевидной половинчатость хрущёвских реформ: за сказанным "А" не последовало "Б". Предприятия и трудовые коллективы так и не получили экономической самостоятельности. И в результате административно-командная система хозяйствования сменила вертикальную модель на горизонтальную - только и всего. Вместо московских чиновников "рулить" томскими предприятиями стали свои, домоощенные, а после слияния в 1962 г. Томского совнархоза с Западно-Сибирским - новосибирские. В результате развития территориального администрирования

*С неба звёздочка упала -
Чистая, хрустальная,
Мы Хрущёва полюбили,
Как родного Сталина.*

Томская частушка

были нарушены отраслевые связи родственных предприятий, самодурство провинциальных руководителей с их местническими интересами на поверку оказалось более вредным для хозяйства, чем снобизм московских столоначальников. И в 1965 г. совнархозы были упразднены, СССР вернулся к прежней системе вертикального администрирования с министерствами во главе.

Тем не менее изменения произошли глобальные. После четвертьвекового средневекового мракобесия с войнами, опричниной и голодоморами с людей сняли удавку, позволили съесть заработанный ими кусок хлеба и показали впереди цель: "Вон там - коммунизм. Вперёд!". Не удивительно, что многие томичи, как и их соотечественники, поверили и двинулись в заданном направлении. Другие не верили ни во что, но они начали работать, как только вместо мифического трудодня стали получать реальный рубль.

Улучшения в экономике были бы невозможны без позитивных изменений в общественной жизни. А они были налицо. Старшее поколение томичей до сих пор с блеском в глазах вспоминает те годы всеобщей надежды и созидательной активности. Разве могли испытывать иные чувства выживший парень-фронтовик и выросшая в голодном спецпереселенческом посёлке девчонка, впервые танцевавшие в городском саду под оркестр З.М. Нейзлера вальс-бостон, падекатр или польку? Сначала генератором общественного оживления стало настроение победителей, затем - развенчание сталинизма. Пусть критика культа была половинчатой, пусть с оговорками, пусть она не завершилась общественным обновлением - и всё же...

Показателем "выздоровления" Томска стал рост его населения. Увеличилась рождаемость - так всегда бывает после войны. Побежала в город после отмены колхозного крепостничества деревенская молодёжь. Если в конце 1950-х гг. томскую прописку имел каждый второй житель области, то через два десятка лет - уже двое из трёх. Разветвлённой сетью солидных учебных заведений город притягивал учащуюся молодёжь со всей страны. Она тоже правдами и неправдами закреплялась в городе, увеличивая численность томичей. В совокупности этих и некоторых других причин население города резко возросло: в 1946 г. оно насчиты-

вало 178 000 чел., в 1959 г. - 248 800 чел., в 1965 - уже более 300 000 чел.

Экономический рост позволил руководству страны проводить и более позитивную социальную политику, которая нередко служит сегодня для левых аргументом в пользу гуманизма социалистической системы. Как у В.С. Высоцкого: "Было время - и цены снижали...". В декабре 1947 г. томичи радовались отмене карточной системы, затем до 1954 г. - ежегодным снижениям цен. Росла в абсолютных цифрах и заработная плата, к 1950 г. её среднемесячный размер по стране составил 640 руб. С 1 сентября 1956 г. вступил в действие новый закон о пенсионном обеспечении, по которому повышался размер пенсий и увеличивался круг пенсионеров. Через 10 лет понизили налоги с заработной платы низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих, а с января 1968 г. до 60 руб. была поднята и сумма минимальной оплаты труда...

Однако до уровня 1940 г. цены после войны так и не опустились. Заработная плата росла преимущественно на крупных промышленных предприятиях, а те же томские связисты в начале своей работы получали всего 380 руб. в месяц - едва ли не вдвое меньше средней зарплаты по стране. Но и эти гроши урезали ежегодными обязательными государственными займами, нередко превышавшими размер месячного оклада.

...Невозможно сегодня сказать что-либо о Томске 1970-1980-х гг. и не услышать обвинений в политическом заказе. Так уж случилось, что оценка именно этого двадцатилетия стала в наши дни лакмусовой бумажкой для размежевания по разным политическим лагерям. Если признать развитие региона в те годы экономическим прорывом, многочисленные промышленные новостройки - достижением социалистической модели общественного развития, а роль бесспорного тогдашнего лидера, первого секретаря обкома КПСС Е.К. Лигачёва для области - мессианской, то сурово нахмурятся господа с правого фланга. Если же согласиться с мнением о невозможности гармоничного развития созданного в области промышленного потенциала в условиях затратной экономики страны в целом, о забвении интересов населения в планах экономических стратегов из высоких кабинетов Москвы и Томска, об отторжении разочарованными людьми партийно-политических начинаний властей,

то слышатся возгласы негодования от товарищей слева. Истина же, как всегда, посередине.

В этот период город и область действительно развивались достаточно быстро. И главным содержанием этого отрезка томской истории стало формирование нефтегазового комплекса области. Промышленное освоение богатых месторождений углеводородного сырья в северных районах (нефтепромысловое управление "Томскнефть" было образовано 13 января 1966 г.) коренным образом изменило экономический и социальный облик территории, и в первую очередь областного центра. Строительство в Томске крупнейшего в стране нефтехимического комбината стало закономерным результатом и одним из этапов развития нефтегазовой отрасли. В мае 1974 г. была создана дирекция комбината, в феврале 1981 г. получен первый полипропилен. Хотя и медленно, но расширялись и реконструировались также те промышленные предприятия, что были эвакуированы в город в годы Великой Отечественной войны - подшипниковый, электромеханический, электроламповый заводы...

Томск интенсивно рос: в 1989 г. в нём проживало 502 000 чел., в 1990 г. - 506 500 чел. В эти годы он опять стал одним из самых быстрорастущих городов Западной Сибири. Достаточно сказать, что в 1986 г. средний ежегодный прирост российских городов составил 0,68%, западно-сибирских - 0,97, а в Томске этот показатель составлял 1,08%. Такие темпы ещё более обострили жилищную проблему. Нельзя сказать, что она была решена, но в эти годы появились новые большие микрорайоны с компактной многоэтажной застройкой на Каштаке и Иркутском тракте.

Тогда же Томск стал во главе области-"миллионера": 9 сентября 1988 г. на свет появилась тёзка города и миллионный житель области Тома Тазарачева. Подсчёты местных статистиков подтвердила Всесоюзная перепись населения 12 января 1989 г., которая официально зарегистрировала в области 1001600 чел.

Чуть раньше этого лестного для томичей события, 11 марта 1985 г. состоялся внеочередной Пленум ЦК КПСС. Большинство населения страны уже давно было равнодушно к подобным мероприятиям, поскольку не разделяло коммунистической идеологии и не ощущало влияния этих форумов на качество своей жизни. Некоторое любопытство вызывали

лишь те из них, которые созывались для оглашения имени очередного лидера партии и государства вместо почившего в бозе предшественника. Однако почти ежегодные похороны после смерти Л.И. Брежнева двух очередных генеральных секретарей притупили общественный интерес даже к этой повестке собраний партийной элиты. Поэтому появление у руля страны М.С. Горбачёва не вызвало особого ажиотажа: третий за три года - ну и что?

Но уже через месяц страна встрепенулась: на апрельском Пленуме зазвучали неведомые доселе слова "перестройка", "ускорение", "гласность". Молодёжь запела "Мы ждём перемен", но никто не знал, как и в какую сторону из наезженной колеи поворачивать. Похоже, что этого не ведали и сами инициаторы перемен. Они изобрели концепцию ускорения, предполагавшую изменить неблагоприятную экономическую ситуацию путём всего лишь "косметического" ремонта прежней системы.

Изменения действительно были жизненно необходимы, ибо к началу горбачёвской эпохи многолетние болезненные процессы в экономике и обществе начали переходить от своего латентного этапа к открытым язвам и нарывам. Например, с конца 1985 г. почти каждое третье промышленное предприятие Томска перестало выполнять план по договорным поставкам, каждое четвёртое - по себестоимости продукции, каждое пятое - по производительности труда. С 1992 г. начался обвальная спад объёма промышленного производства. Самое страшное - стали выдыхаться те три кита, на которых покоились экономика города и благосостояние его жителей: нефтегазовая добыча, лесосырьевая отрасль и "оборонка".

Правда, нет худа хоть без мало-мальского добра: изменение приоритетов в экономике вызвало некоторое оживление в производстве томскими предприятиями товаров народного потребления - за вторую половину 1980-х гг. их объём в стоимостном выражении утроился. Но и этот скачок закончился с появлением "челноков", заваливших томичей дешёвым импортным ширпотребом.

Кризис коснулся не только сферы производства, он, как ржа, проник абсолютно во все сферы жизни.

Стала совершенно очевидной невозможность выполнения широко разрекламированной жилищной программы. Лозунг "Каждой советской

семье - собственное жильё к 2000 году!" стал последним в череде подобных коммунистических иллюзий - "Догнать и перегнать Америку!", "Будем жить при коммунизме в 1980 году!" и им подобным. С середины 1980-х гг. большинство вводимого жилья уже распределялось по жилищно-строительным кооперативам (ЖСК) и молодёжным жилищным кооперативам (МЖК), т. е. строилось на деньги жильцов или при их непосредственном участии. Государственные, так называемые бесплатные квартиры становились приметой прежних лет.

Резко сократился объём перевозки грузов, особенно на автомобильном и железнодорожном транспорте. Почти на треть уменьшился пассажиропоток.

Разрыв экономических связей, развал потребительского рынка и падение производства с неизбежностью привели к росту цен, отпущенных "в рыночный полёт" 2 апреля 1991 г. Только за один 1992 г. в Томске они выросли в 18 раз, а доходы населения - лишь в 8,5 раза. Всё это, в свою очередь, не могло не породить инфляцию. Рачительные граждане потеряли все свои накопления, став при этом "миллионерами" при обращении с новыми деньгами. В том же 1992 г. в области появились неведомые до тех пор безработные, ухудшилось медицинское обслуживание, упало число студентов, в полтора раза выросла преступность.

Кардинально и стремительно менялось общественное лицо города и области. Нарушилась монополия партократии на власть и формирование общественного мнения. В конце 1980-х гг. в Томске появились общественные объединения "Экологическая инициатива", "Мемориал", "Томский комитет избирателей", которые вынуждали власть принимать решения не в духе коммунистической идеологии и практики. Выборы из ритуального подхода к урне превратились в арену политической борьбы.

Окончательному демонтажу социалистической системы предшествовали драматические события 19-21 августа 1991 г., связанные с неудачной попыткой утвердиться во власти Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Сразу же после них последовали указы Президента России сначала о приостановке деятельности КПСС и национализации её имущества, а в ноябре и о полном запрете партии. Прав-

да, последний указ вскоре был отменён Конституционным Судом. Тогда же, в ноябре 1991 г., главой исполнительной власти в Томской области был назначен В.М. Кресс.

А 8 декабря 1991 г. случилось одно из главных событий мировой истории второй половины XX столетия - прекратило своё существование самое крупное государство на планете - Союз Советских Социалистических республик. Такой исход отцы перестройки и ускорения 6 лет назад, конечно же, не могли увидеть даже в самом кошмарном сне.

Окончательно Рубикон был перейдён 3-4 октября 1993 г., когда в Москве был разгромлен Верховный Совет РФ. Уже 15 октября В.М. Кресс подписал указ о прекращении действия Томского областного Совета народных депутатов. Советская власть в Томской области закончилась...

Закончился на этом и наш рассказ о Томске. Он охватил не все 400 лет истории города, а чуть-чуть поменьше. Последнему десятилетию ещё рано становиться историей. "Большое видится на расстоянии...". Пусть произошедшие события обрастут следствиями, и тогда яснее станут их причины и суть. Пусть сегодняшние лидеры из категории политиков перейдут в ранг исторических фигур, и тогда посвящённые им строки будут иметь статус оценки, а не панегирика либо памфлета. Пусть нынешнее время покроется хотя бы лёгкой дымкой Времени, чтобы наши дети могли повторить вслед за нами слова знаменитого томича А.В. Адрианова, сказанные почти век назад: "Милая старина! Незлобивая, мягкая, обвеянная теплом и ласковым светом...". Как хочется, чтобы наше время заслужило в будущем именно такой оценки!

Далеко-далеко - около светлого свежесрубленного острога на высокой горе - остались истоки нашей реки Памяти. И долгий путь прошли мы по ней. Видели её и молодой, только наливавшейся красотой и силой, с юными голенастыми берёзками по крутояру. Любовались и зрелой рекой - с прямыми берегами, по-матерински спокойную, с плескавшимися в заводях рыбёшками и отражением чистого голубого неба в зеркале воды. Попадали и на буйный отрезок, где водовороты рьяно рушили берега и мutilи чистую прежде воду с донным песком, где рёв волн смешивался с раскатами грома и шумом вет-

ра. Разная она - река. И разные чувства выплёскиваются из души навстречу ей - то слёзы умиления от неизбывной красоты, то зубовой скрежет от набитых вёслами мозолей. Счастье же рождается от мысли, что никто из плывущих по этой реке не знает её длины, не ведает, когда же она вольётся в океан Вечности и солёные брызги упадут на лицо знаком "Всё. Путешествие закончилось". Будем же счастливы, пока течёт река Времени, пока мы в дороге!

ББК ТЗ(2РОС-4ТОМ)

Яковлев Я.А. Томск - город на реке. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 94 с. 1000 экз.

ISBN 5-7511-1844-8

Томск - один из первых русских острогов в Западной Сибири; военно-политический, торговый и административный лидер региона; колыбель первого за Уралом российского университета; центр прежней губернии и нынешней области. Очерк об этом городе и его жителях приурочен к 400-летию Томска и будет интересен всем любителям сибирской истории.

ISBN 5-7511-1844-8

© Я.А. Яковлев, 2004

*В оформлении обложки использован рисунок М.М. Щеглова к изданию:
Город Томск. Томск, 1912.*

Научное издание

Редактор Т.В. Зелева
Компьютерная верстка

Лицензия ИД 04617 от 24.04.2001 г.

Подписано в печать 15.07.2004 г. Формат 60x84¹/₁₆.

Бумага офсет. Печать офсетная.

Печ. л. 5,9.; усл. печ. л. 5,5; уч-изд. л. 6,0.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1510.

Издательство ТГУ. 634029, Томск, ул. Никитина, 4
ОГУП «Асиновская типография». Асино, ул. Проектная, 22

